

СМЕНА

Х
А
Е
Т
К
И
М

№ 22

Молоч капитализма.

X

10 лет существования КИМ'а — это десятилетняя победоносная борьба против империалистической войны как систематическую антимилитаристскую пропаганду. Достиженные в этой области результаты указывают на то, что в повседневной работе были применены учения Ленина и Либкнехта. КИМ, созданный молодыми немцами спартаковцами, русскими большевиками и группами молодых революционеров других стран, сохранял и расширял установленные традиции.

Благодаря его большевистским выступлениям революционный антимилитаризм стал фактом, неотделимой частью революционной борьбы молодых пролетариев как в Японии, так и во Франции, как в Америке, так и в Индо-Китае.

Этот факт может служить прочной гарантией того, что КИМ осуществит свой лозунг: «Защита Советского Союза».

J. DUPON (Г. ДЮПОН)

X

10 лет КИМ'а — это десять лет непрерывной, часто героической борьбы в самых разнообразных условиях. На фабриках и заводах, в деревне, словом, всюду Коммунистический интернационал молодежи стоит во главе борьбы против милитаризма, против капиталистической олигархии, против социал-демократии, все больше и больше заменяющей пролетариату и ставшей активной опорой буржуазии.

Проникнутые ленинизмом молодые коммунисты тех стран, где царит кровавый террор, вписали в историю КИМ'а героические страницы. Несмотря на террор, коммунистическая молодежь Италии, Польши, Болгарии, Румынии, Югославии продолжала борьбу, доказывая этим, что коммунистическое движение молодежи задушить нельзя. В этой борьбе тысячи и тысячи наших молодых бойцов, цвет нашей молодежи, были злодейски убиты, замучены, посажены в тюрьмы.

Память о них и опыт, полученный нами за эти 10 лет, указывает, по какому пути мы должны идти в предстоящей грандиозной борьбе, которая приведет нас к окончательной победе.

R. LOVERA (Р. ЛОВЕРА)

X

10-летие КИМ'а революционное пролетарское движение молодежи может рассматривать как победоносный период беспощадной борьбы против капитализма и всех врагов рабочей молодежи. За эти 10 лет борьбы КИМ доказал, что он — единственная организация, всегда и при всех условиях защищающая интересы рабочих и крестьянской молодежи.

Ленинский комсомол не только всегда принимал деятельное участие в работе КИМ'а, но был главной руководящей секцией. Опыт, полученный им во время гражданской войны и в период социалистического строительства, возбудил стремление в союзах коммунистической молодежи капиталистических стран перейти к массовой работе.

10-летие КИМ'а совпадает с периодом обострения классовой борьбы, с периодом усиления военных приготовлений против Советского Союза.

К своему десятилетию КИМ использует учение Ленина и Либкнехта и свои героические боевые традиции, чтобы мобилизовать широкие массы рабоче-крестьянской молодежи для борьбы против империалистической опасности и защиты Советского Союза.

F. GEMINDER (Ф. ГЕМИНДЕР)

10-я годовщина КИМ'а проходит не только под знаком непрерывной борьбы комсомола против капиталистических стран, не только под знаком революционного подъема, но раньше всего и под знаком социалистического строительства в Советском Союзе.

Значение русской революции для революционного пролетарского движения молодежи особенно ярко проявляется к 10-летию КИМ'а. Именно в этот момент особенно ощущается необходимость деятельного участия молодежи в осуществлении пятилетнего плана.

Стараясь овладеть молодежь с достижениями в области социалистического строительства, мы одновременно даем направление борьбе всей пролетарской молодежи против империалистической войны и за поддержку Советского Союза.

ОТТО VINZER (ОТТО ВИНЦЕР)

Общегерманский слет комсомола в Хемнице.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Немыслимым солнцем палимы,
Стройны
И где надо—грубы,
Несем
Под знаменами КИМ'а
Мы юность свою
Для борьбы!

Сквозь бури
И черные штормы,
Нак лед
Молодая рена,
Несем свой огонь
И задор мы
Навстречу
Грядущим векам!

Идем мы
Развернутым строем,
За нами—
И пламя,

И дым!

Безуспе,
Мир перестроить,
Мы мир перестроить
Хотим!

Цифлонами
Годы летели...
И в десять
Умчавшихся лет
Мы видели
Горечь потери
И радость
Высоких побед!

О, их не измеришь
Годами!..
В дороге упал
Не один:
Расстрелянный Энгель
За нами,
За нами,
Отважный Ботвин.

Ты, ненависть,
В сердце останься,
И, месья, открыли
Наш полет!
Вот Липшиц
В тюрьме сигуранцы
Предсмертную песню
Поет.

И вторит ей
Снова и снова.
Сердец молодых
Динамит.
И Либкнехта
Голос суровый
За нами
И с нами гремит!

Зовет он
И последнему бою,
Задор наш
Незримо деля,
Чтоб стала
Земля молодою,
Чтоб новою
Стала земля!

И видим мы:
Голос Трибуна
Огромным пожаром
Расцвел...
На острове
Всемирной Коммуны
Гроби,
Мировой Комсомол!

ИВАН МОЛЧАНОВ

РОЖДЕНИЕ КОМИТЕРНА МОЛОДЕЖИ

Я. ЮДИЦНЙ

ПЕРВЫЕ залпы, последовавшие за революционным выступлением в Сараево, раздалась в клочки социал-демократическую тогу II Интернационала. Первые же выстрелы раскромсали международное объединение социал-демократических фразеров на десятки враждебных партий, заряженных ядом шовинизма.

Подле поветвие вождей социал-демократии ослабило позиции международной социалистической организации молодежи. Но эта организация была спаяна более крепким, революционным цементом международной солидарности, чем II Интернационал. Огромные потери, которые понесла молодежь в первые месяцы войны, беспредельное ущемление ее политических и экономических прав,— все это способствовало тому, что союзы молодежи враждующих стран искали путей, которые помогли бы молодежи выбраться из шовинистического болота. Наиболее характерным в этом отношении является история германского юношеского движения 1914—1918 годов.

Уже к концу первого года войны на смену боевому угару пришли новые, революционные настроения. Предательское поведение вождей юношеского движения встретило мужественный отпор в рядах берлинской и штутгартской организаций. Революционная молодежь бойкотировала газету центрального бюро, проводившую шовинистическую агитацию. Тираж «Рабочей Молодежи» упал с 108 тысяч до 30 тысяч в результате сменного выступления ряда германских местных организаций. Лозунги оборончества сменились призывом к гражданской борьбе (Иенская конференция).

Международная конференция социалистической молодежи в Берне (апрель 1915 г.) проходила в самый разгар империалистической бойни. Гром пушек, дикая шовинистическая агитация социал-демократии не помешали конференции молодежи вступить на путь действительной борьбы против войны. Конференция высказалась против империалистической бойни,—она заявила о необходимости воспитания молодежи в духе классовой борьбы и объединения ее вокруг боевых знамен революционного социализма. Старческому мажорам отцов социал-демократии был противопоставлен боевой дух молодежи, готовность ее начать классовую борьбу против империалистической бойни.

Бернская конференция не провозгласила еще лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую, ее решения страдали неясностью, лозунг о всеобщем разоружении свидетельствовал еще о том, что представители революционного юношеского движения недостаточно ясно представляли себе тактику борьбы. Но огромная волевая зарядка, которая дана была юношескому движению Бернской конференцией, не подлежит никакому сомнению.

Бернская конференция определила пути дальнейшего развития юношеского революционного движения, укрепив международную солидарность и вскрыв истинное лицо социал-демократии.

На Бернской конференции юношеское революционное движение вышло из-под опеки социал-демократических соглашателей, создав собственный руководящий центр.

Ни социал-демократия, ни буржуазия не могли оставить без внимания консолидацию революционных сил молодежи. В то время как социал-демократические партии жили в мире с империалистическими правительствами, руководители революционной молодежи преследовались зверским образом.

Вилли Мюнценберг, избранный на Бернской конференции секретарем международного секретариата, был брошен в тюрьму. Этой же участи подверглись и другие товарищи, сменявшие после ареста Мюнценберга. Непрерывные аресты членов бюро международного объединения молодежи не позволяли созвать заседания бюро в течение очень длительного времени. За это время произошли события огромной важности: революция в России, Германии и Австрии. Спустошительная война закончилась разбойничьей Версальской конференцией. Революционные волны захлестнули Европу.

«Мир» застал международную организацию молодежи в очень тяжелом организационном состоянии. Преследуемые

своими правительствами, руководители международного объединения не в состоянии были осуществлять руководство. А между тем, новая послевоенная обстановка, насыщенная революционным подъемом, предъявляла к международной организации молодежи огромные требования. В кругах революционной молодежи назревала мысль о созыве международной конференции.

Сменивший после ареста Мюнценберга на посту секретаря международного объединения тов. Тростель взял на себя созыв международной конференции революционной молодежи, назначив ее в Вене на 25 августа 1919 г.

Одновременно с этим в Москве шла подготовительная работа по созыву международного конгресса молодежи. Весной этого же года в Москве встретились тов. Циглер (Курелла), активный работник Германского союза молодежи, Виктор Грэйзингер, секретарь Литовского союза молодежи и тов. Самулин, приехавший в Москву из Советской в то время Венгрии.

Исполком Коминтерна поддержал идею организации международного конгресса социалистических союзов молодежи. Решено было созвать конгресс в Советском Будапеште. В качестве представителей от РКСМ в Будапешт выехали тт. Циглер и Шацкий. На конгресс пригласили союзы, разделяющие тактику борьбы, принятой Бернской конференцией. Такой состав конгресса обеспечивал революционные решения и позволял осуществить идею создания революционного Коммунистического интернационала молодежи.

Принципы организации КИМ'а были изложены в проекте программы, которую выработала московская комиссия с Черным на главе, очень интересовавшимся международным юношеским движением, в составе Бернина, Клингера, Шацкого и Циглера.

Конгресс, который погтовлялся московской комиссией, не ставил своей задачей восстановить разрушенный Интернационал молодежи, не имевший четкого политического лица. Конгресс должен был призвать к жизни новую боевую революционную организацию, ясно представлявшую свои классовые задачи.

Падение советской власти в Венгрии сорвало конгресс в Будапеште. К этому времени, по почину отдельных работников международного бюро, конференцией решено было созвать в Вене. Она состоялась 25 августа в помещении венской рабочей газеты.

Участие в этой конференции принимал, в первую очередь, союз австрийской рабочей молодежи, отказавший в свое время участвовать на Бернской конференции, в частности, Данненберг, идеолог соглашательской политики в среде молодежи.

Вилли Мюнценберг (последний портрет).

Однако, на конференции, которая постановила считать себя только подготовительной, победило революционное большинство. Решено было созвать нелегальный конгресс в Берлине. Встреча с оппортунистами кончилась в пользу революционной части конференции.

Молодежь Нейкельна в майские дни этого года показала, что она умеет драться в защиту своих прав. Баррикады 1 Мая в Веддинг и Нейкельне в числе своих защитников имели, по отъезду самой полиции Зеверинга, большинство молодежи. Десять лет назад молодежь этого рабочего предместья Берлина показала, что она может защищать дело своего класса.

Палачи «кровавой собаки» Носке в ноябрьские дни 1919 г. держали в своих руках Берлин. Патрули, броневики, полицейские, грузовики наводняли улицы города и предместья. Голодомичи Носке в эти тревожные часы, наполненные гомлетом беспорядочной стрельбы, молодежь Нейкельна составила свои собственные тайные патрули, она выставила часовых и пикеты для охраны I конгресса Коммунистического интернационала молодежи.

В маленькой прокуренной комнатке нейкельнского трактира собрались представители 14 союзов молодежи, объединявших тогда 200 тыс. молодежи.

Открыл заседание конгресса В. Мюленберг 20 ноября. Закончился конгресс 26 ноября.

В конгрессе приняли участие представители Германии, Австрии, Швеции, Норвегии, Дании, Советской России, Польши, Венгрии, Румынии, Италии, Испании и Чехо-Словакии.

Борьба Советской России со своими врагами, совершенно понятно, не могла пройти мимо внимания конгресса. Окруженная со всех сторон врагами, отбившая только что нападение Юденича от Петрограда, Советская Россия являлась для членов конгресса маяком, который должен освещать тяжелый путь молодежи в ее революционной борьбе.

«Порражение Советской России,—говорится в приветствии пролетариату РСФСР, принятом на конгрессе,—является нашим поражением, ее победа—нашей победой».

В задней комнате, пивной Нейкельна, собрались представители тех союзов, которые сумели отвести от себя оппортунистических вождей, кто ясно почувствовал свои классовые задачи и не дал одурманить себя шовинистическим угаром войны. Революционной борьбой эти организации завоевали право на жизнь и рост.

В то время как соглашательские объединения молодежи захирели и к концу войны распались, пролетарские организации молодежи значительно выросли, окрепли, завоевав симпатии широких масс молодежи.

Мюленберг опубликовал сведения о численном составе союзов, представленных на конгрессе. Сведения эти таковы: Советская Россия—80 тысяч членов, Венгрия—120 тысяч, Германия—35 тысяч, Италия—35 тысяч, Скандинавия—53 тысячи.

Политическая роль этих организаций значительно превосходила их численность. Сплоть и рядом организации молодежи играли решающую политическую роль, они шли впереди рабочего движения. Этот авангардизм имел свои основания, так как большинство социалистических партий не освободилось еще от оппортунистических традиций и навыков.

Однако, в этом была и опасность отрыва организаций молодежи от специальных задач по организации молодежи, по коммунистическому воспитанию и определению места юношеских организаций в общей борьбе рабочего класса.

Первый юношеский день в Швейцарии в 1915 г.

Отдельные выступления делегатов конгресса сигнализировали об этой опасности. Однако, конгресс сумел найти верное решение проблемы кадров революции. Конгресс отчетливо указал на то, что задачи молодежи неотделимы от общих задач пролетариата. Он стал под знаменем Коммунистического Интернационала, заявив о необходимости совместной работы в боевом и теснейшем контакте с ним.

Много спора на конгрессе вызвал вопрос о классовом воспитании. Союзы отдавали все свои силы и внимание политической борьбе. Вопросы организации молодежи на основе экономических требований и теоретического воспитания отождествлялись на задний план. На конгрессе победила все же другая точка зрения представителем Германского, Советского и Венгерского союзов, отстаивавших необходимость классового воспитания молодежи и борьбы за чисто юношеские требования наряду с активной политической борьбой.

К заслугам конгресса надо отнести исправление ошибки Бернской конференции в вопросе об антивоенной работе. Конгресс отмежевался от пацифистских идей о всеобщем разоружении, выдвинув лозунг о вооружении пролетариата, за поддержку Красной армии.

Конгресс принял программу КИМ'а и устав, положив этим основу для создания четкой международной революционной организации молодежи.

Первая юношеская конференция (Тюрингия, Иена, 1907 г.).

С этим номером годовые и полугодовые подписчики получают книжку Л. Колесникова «КОМСОМОЛЬСКИЙ БРАН»

БОЙЦЫ АРМИИ КИМ

А. СОЛНЦЕВ

АРМИЯ КИМ—один из передовых отрядов международного пролетарского движения—насчитывает почти два с половиной миллиона бойцов. Десять лет в боях, победах и поражениях создавала эта армия, ружейками вливаясь в поток рабочего движения, маленькими «топинами» странами посылая фронт классовой пролетарской борьбы. Слабые уходили. Оставались самые смелые, те, которые не боясь смотрели смерти в глаза, те, которые вызвали и вызывают восхищение и гордость мирового пролетариата.

Два с половиной миллиона создались не сразу. Шаг за шагом КИМ отговладал рабочую молодежь у соглашателей и буржуазии. Буржуазные и соглашательские организации поддерживались банками и правительствами. Принадлежность к КИМ у угрожала силенем в тюрьме и даже виселицы.

И все же КИМ рос и продолжал расти, а его могущественные противники с каждым днем теряют своих последователей. Соглашательский Интернационал СИМ давно уже оставлен позади: он имеет сейчас только 135 тысяч членов, и это число все время падает. Шесть лет тому назад, в 1923 г., он имел больше 220 тысяч членов.

В основных капиталистических странах (Германия, Англия, Франция, Италия, САСШ) число членов СИМ'а за последние пять лет уменьшилось со 122 до 45 тысяч.

Во всех странах Германии КИМ идет вперед. Если в Германии соглашатели имеют еще большую организацию, то только потому, что там у власти стоит социал-демократическое правительство, которое всеми силами и способами поддерживает своих молодых подгослов. Но и там организация стремительно падает. В дни крупнейших рабочих демонстраций под знаменами комсомола идут многотысячные колонны, соглашатели же еле-еле сколачивают небольшие митинги.

Зато в их странах, где свирепствует белый террор (Италия, Польша), комсомол создал мощные нелегальные организации в то время как соглашательские союзы либо погубили, либо окончательно перешли на службу к буржуазии.

Разлагающую работу среди молодежи ведут не только соглашатели, ведет ее и буржуазия. Она создает особые «христианские» союзы, в которых молодежи воспитывается в духе «любовь к ближнему», то есть на деле к классовому врагу, и в духе борьбы против бунтовщиков, то есть против всего рабочего класса. Каждая религия создает такие союзы будущих проповедников. Из этих союзов обычно вербуются штрейкбрехеры и охранники. Всякими подкачками, подкупами, нередко угрозами и насилиями вербуют в эти союзы и рабочую молодежь.

В Германии, где господствующая религия—протестантская, и союзы, главным образом, протестантские. Но есть они и в других странах. Существуют, кроме того, католические союзы, а в Америке, каждая секта имеет свои организации молодежи. Протестантские союзы имеют во всем мире больше 3 миллионов членов, наиболее сильны они в Америке. Католические имеют около 3 миллионов. В Риме при дворе папы существует своеобразный Католический интернационал—международный секретариат католической молодежи, руководящий работой этого союза во всем мире.

Дальше идут фашистские союзы молодежи, которые сильнее всего в Италии, где фашизм давно стоит у власти. Там существует особый союз «Балилла» в котором главные заповеди следующие:

1. Муссолини всегда прав.
2. Дороже всего—жизнь Муссолини.

Полицейская расправа с комсомольцами (Берлин).

Открытие памятника австрийским комсомольцам, павшим в уличных боях 1919 г.

Этот союз помогает Муссолини выплывать, пытать и избивать революционных рабочих.

В Польше фашистский союз «Стрелка» также призывает свою молодежь отдать жизнь за вешателя Пилсудского, в Германии фашисты устраивают погромы рабочих организаций. Безе эти союзы помогают капиталу душить рабочее движение. Во всем мире фашистские союзы насчитывают больше 1 миллиона членов. В них также немало рабочей молодежи, загнанной туде насилиями и подкачками. И оттуда молодежь нередко уходит в комсомол: много таких случаев было в Польше.

Кроме того, в каждой стране есть «национальные» буржуазные союзы, главная задача которых—помогать правительству в борьбе с рабочим движением. Из таких организаций самая известная—бойскауты. Больше всего их в Англии и Америке—около полутора миллионов; это очаг будущего фашизма.

Мы видим, что против КИМ'а, против революционного движения рабочей молодежи буржуазия организовала огромные армии. Это значит, что борьба КИМ'а тяжела и упорна, что каждый шаг ему приходится стбигать с боем. Но в этих боях крепнет, спланивается, растет армия КИМ'а.

Крупнейшие организации КИМ'а после ВЛКСМ имеются в Германии, Швеции, Франции и Чехословакии. В Германской—больше 20 тысяч членов, в Шведской—около 15, во Французской—больше 10, в Чехословацкой—несколько меньше. Они существуют легально, то есть открыто, на основании законов. На деле, однако, комсомольские организации преследуются, комсомольцы арестовываются, комсомольские газеты запрещаются, и один значок КИМ'а приводит к тому, что рабочего изгоняют с предприятия.

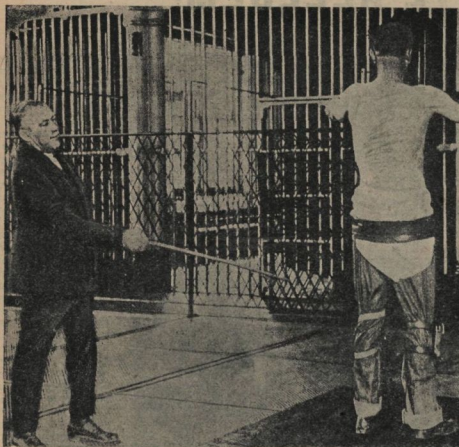
Германский комсомол проверил себя в боях. В день первомайских боев 1929 г. в Берлине комсомольцы дрались на баррикадах вместе со взрослыми рабочими. Сотни их попали в тюрьмы. Находящаяся под влиянием комсомола организация Юнгфронт (Молодой фронт) была запрещена. Комсомольцы в ответ на это выступили лозунг:

— Наплевать на запрещение!

Первого августа, в день международной демонстрации против войны, на улицах Берлина вышли десятки тысяч рабочей молодежи под комсомольскими знаменами. Члены Юнгфронта демонстрировали в запрещенной форме.

Первого сентября, в день XV Международного юнического дня, комсомол снова вывел на улицы Берлина 25 тысяч молодых рабочих. Тысячи вышли демонстрировать в других городах Германии. Безе запрещенный Юнгфронт участвовал в демонстрациях.

Везде комсомольцы шли под лозунгами:

Единственная область американской «демократии», где негры уравни в «права» с белыми—тюрьма для политических преступников. На снимке: порка арестованного «белого» рабочего.

— Мы — батальоны Красной армии!

В ежедневной неустанной борьбе куется мощь Германского комсомола. В этой борьбе комсомол Германии закалил своих членов: сейчас это одна из самых сильных организаций КИМ'а.

Французский комсомол также проводит жизнь в боях: в тюрьмах Франции перебивали сотни комсомольцев. Очень сильно влияние комсомола в армии: его газета «Каварма» имеет 25 тысяч подписчиков. Комсомол Франции вел на протяжении борьбы против нападения французского капитализма на Марокко и Сирию. Его газеты все время конфисковываются. Его работники арестовываются десятками. На предприятиях комсомольцы работают нелегально, потому что за одну принадлежность к комсомолу рабочего увольняют.

В постоянных преследованиях живет и Чехо-Словацкий комсомол: ни одно из его выступлений не обходится без многочисленных арестов.

Крупный легальный комсомол имеется также в Швеции: здесь организация рабочей молодежи существует больше 25 лет. Из рядов этой организации возник комсомол.

Другие легальные союзы помешье. В Англии, в Австрии, Норвегии, Греции комсомолы имеют от 1 000 до 3 000 членов. Но и эти союзы имеют уже свои героические страницы. Английский комсомол в дни забастовки горняков вел большую работу по сплочению и воодушевлению бастующих. Немалую агитационную работу провел комсомол и среди английских солдат, отправлявшихся в Китай для подавления революции. Австрийский комсомол дрался на баррикадах в дни венского восстания 1927 г. Есть свои заслуги и у Норвежского и у Греческого комсомола.

Еще меньше комсомол в Голландии (500 человек), и совсем уже маленькие, еще только зарождающиеся секции — в Бельгии, Дании, Исландии и Швейцарии. Здесь в комсомолах от 50 до 200 членов. И эти союзы должны постепенно завоевать влияние среди рабочей молодежи.

Во всех остальных странах Европы комсомолы нелегальны. Это наиболее героические отряды КИМ'а. Комсомолы Италии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы, Португалии, Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии и Югославии всю свою работу ведут в подполье. Везде их работников подстерегает тюрьма, фашистская расправа и виселица. Но бои калят эти отряды. Комсомольцы Польши под носом у полиции вывешивают красные флаги и воззвания на стенах домов, на травянистых столбах, на больших городских управлениях. Комсомольцы Италии устраивают в непроходимых горах свои съезды, распространяют сотни тысяч своих листовок и сейчас, рискуя жизнью, ведут среди рабочей молодежи сбор на пулемет—братский подарок для Красной армии. Комсомольцы Болгарии руководят крестьянским движением, организуют забастовки: сотни их полатились за это жизнью или многолетней каторгой. Нелегальные союзы обычно ведут за собой тысячи молодых рабочих. В демонстрациях, которые устраивает, например, Латвийский комсомол, участвуют 10—15 тысяч рабочей молодежи. В демонстрациях Польского комсомола по всей Польше участвуют 20—25 тысяч молодых рабочих и крестьян. В дни борьбы за диктатуру пролетариата нелегальные комсомолы будут иметь стойкие, боевые отряды, связанные неразрывными нитями с рабочим классом.

За пределами Европы легальные комсомолы существуют только в Соединенных Штатах Америки (1 500 членов), в южно-американских республиках Аргентине и Уругвае, в некоторых полунезависимых английских колониях (Австралия, Канада, Южная Африка). Кроме того, в связанных с СССР народных республиках имеются революционные союзы молодежи, объединяющие передовую молодежь из крестьян: в Монголии такой союз имеет 7 000 членов, в республике Тунгу-Тува—1 500 членов.

В остальных странах вне Европы комсомолы либо существуют нелегально, либо еще только организуются. Обычно комсомолы возникают здесь в огне борьбы, во время боев пробуждающихся угнетенных народов с империалистами. Так возникли комсомолы в Алжире и Тунисе (Северная Африка), Индонезии (Голландская Индия), в южно-американских республиках—Бразилии и Чили. Так возник и вырос до 70-тысячной армии комсомол Китая, на баррикадах Шанхая и Кантона ушедший своих членов революционной борьбе. И до сих пор Китайский комсомол представляет собой один из наиболее стойких отрядов КИМ'а, ежедневно ведущий борьбу с империалистами и со своей продажной буржуазией. Так возник и крепнет сейчас в обстановке надвигающихся мощных боев комсомол Индии. Так вырос комсомол Мексики, загнанный сейчас в подполье. Так выросли комсомолы Кореи, Турции, Персии, Японии.

Мы живем в дни, когда повсюду нарастает новая волна революционного возбуждения. Приходят в движение миллионы массы трудящихся тех стран, которые до сих пор были задавлены империалистическим гнетом: Индия, Южная Америка, Палестина, Корея. В старых капиталистических странах—Англия, Франция, Германия—волна пролетарской борьбы поднимается все выше. Никогда еще мир не видел такого количества забастовок, как в последние годы. Никогда еще в капиталистических странах и колониях не было мобилизовано столько вооруженной силы для борьбы с «внутренним врагом», как сейчас.

Так называемые «социалисты» уже не довольствуются ролью скрытых предателей.

Буржуазия требует от социал-демократов все более решительной политики. Социал-демократы становятся переплывом отрядом нападения на рабочий класс. Из рядов «социалистической» молодежи вербуются шпайфбрехеры, жандармы, провокаторы.

Единственный выход рабочей молодежи теперь остается КИМ. Не только в решающей схватке с буржуазией, но и в ежедневных боях за улучшение условий труда на фабрике, за право на демонстрацию единственным организатором рабочей молодежи остается комсомол. Социалистические организации молодежи окончательно сбрасывают с себя маску и превращаются в придаток к машине капиталистической эксплуатации.

В сознании этой своей ответственной роли армия КИМ'а все теснее сплачивает свои ряды.

Десять лет КИМ'а показали, что работа молодежи является одним из самых передовых, самых смелых, самых революционных отрядов рабочего класса.

Вступая в новое десятилетие, КИМ'ом смело смотрит вперед.

Мы знаем, что будущее—за нами!

TROTZ ALLEDEM!

П. ШКЛЯР

1 МАЯ 1916 г. на Потсдамской площади Берлина раздался мощный голос Карла Либнехта:

— Долой войну!
— Долой правительство!
Тысячи подхватили этот лозунг. Жандармы до крови вояжины потянулись к Либнехту своими грязными руками:
— Убейте его! Он—предатель.

Но голос Либнехта звучал все увереннее, все привязней и громче:

— Рабочие, товарищи, женщины, народ! Как долго будете вы спокойно смотреть на этот ад! Как долго будете вы, молчаливые свидетели преступления, терпеть голод и нужду. Получайте: пока не встанет народ и не займет своей воли, истребление народов не прекратится. Или оно кончится только тогда, когда вся страна будет разорена дотла, когда все народы изменеют, когда от так называемой, культуры не останется камня...

Полиция Вильгельма Второго схватила Либнехта. Устами Либнехта говорила революция. Германская буржуазия надеялась арестом Либнехта заткнуть рот революции.

Но Либнехт и на суде повторил свои революционные призывы. Либнехт и на суде боролся против того страха, который был виновником кровавой бойни. Ни одного слова в свою защиту не сказал Либнехт. Он открыто сознался в том, что си до конца своей жизни, до последней ниточки своих нервов остается беспощадным врагом буржуазии. В лицо своим судьям он бесстрашно швырял слова презрения:

— Я здесь для того, чтобы обвинять, а не защищаться. Не гражданский мир, гражданская война—мой лозунг. Долой войну. Долой правительство!

Его судьи—жалкие буржуазные подлюжки—пришли в ужас от речей обвиняемого. Либнехт зажал их в угол. Ничтожные, они не нашли в себе силы даже для того, чтобы заткнуть рот Либнехту. «Обвиняемый» наступал, судьи защищались.

Империалистический суд Германии приговорил Либнехта к 4 годам и 1 месяцу каторжной тюрьмы.

Во всех городах Германии рабочая молодежь вышла на улицы протестовать против ареста ее вождя. Империализм чувствовал приближающуюся гибель. Своей же мучи кусаются злее летних. Де-

сятки молодых рабочих попали в тюрьмы. Империализм пытался запугать рабочую молодежь: страх перед революцией лишил его ума.

В августе 1917 г. военный суд приговорил к смертной казни пять матросов, которые последовали призыву Либнехта и звали матросскую массу к борьбе против империализма.

Несколько ранее в одной из германских школ в Эльберфельде ученик был отдан в больницу для умалишенных за то, что он в своем школьном сочинении назвал Либнехта герсем.

Либнехт был запрятан в каменный

во время позорного суда над Либнехтом, во время казни революционных матросов.

Тогда перепуганная германская военщина запретила всяческие организации, закрыла газеты рабочей молодежи, арестовала всех, кто осмелился протестовать. Но это были уже последние дни германской империи,—ноябрьская революция 1918 г. смела ее. На месте императорского трона воцарилась буржуазия, окруженная лакействующей соглашательской бандой.

За несколько дней до революции Либнехт был освобожден из тюрьмы:

страх перед приближающейся бурей и мощный протест революционной молодежи вынудили буржуазных диктаторов выпустить этого опасного «преступника». Едва выйдя из тюрьмы, он бросился в самую гущу нарастающего революционного движения и уже через несколько дней руководит учредительной конференцией социалистической молодежи Германии.

В дни ноябрьской революции рабочая молодежь первой выходит на улицу.

Рабочая молодежь идет в одних рядах с революционным союзом «Спартак»—созданной Либнехтом организацией рабочего класса. Перед казармой гвардейских стрелков произошел первый революционный бой. Первой жертвой этого боя пал руководитель октябрьской конференции молодежи Эрих Габераат. В Гамбурге одной из первых жертв революционных боев был Фридрих Петер, руководитель рабочей молодежи.

В эти дни Либнехт был везде. В эти дни

слова Либнехта поднимали многотысячные массы пролетариата, зажигали огнем возмущения революционные толпы. Это он в берлинском цирке Бунш, стоя перед направленными против него ружьями императорской армии, бросал в толпу ленинские лозунги:

— Смерть! Контр-революция готовится к выступлению!

— Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов!

Это он говорил массам:
— Волны событий поднимаются до небес, но мы привыкли с вершинами падать в беду. Наш корабль твердо держит путь прямо к цели. И будем ли мы живы в момент ее достижения—все равно, программа наша будет жива, она будет управлять миром освобожденного человечества.

— Trotz alledem!

Карл Либнехт произносит речь.

мешок. Десятки его товарищей были мешки, заключены в тюрьмы, затравлены преследованиями. Буржуазия надеялась таким путем разделаться с революцией. Но возмущение росло. Аресты не помогали. В 1917 г., вскоре после берлинской демонстрации, германская полиция арестовала в Дрездене 12 молодых рабочих, обвиненных в призыве к государственной измене. Суд приговорил их к многолетним принудительным работам и к тюремному заключению. Руководитель организации тов. Ливенсон был приговорен к восьми годам принудительных работ.

Снова буря возмущения прокатилась по Германии. Сотни молодых революционеров ушли в тюрьмы, но голос престопа звучал все громче и громче. Только соглашатели, предавшие дело рабочего класса, молчали, как молчали они

¹ Несмотря ни на что.

Десять лет спустя, когда жандармы социал-убийцы Цергибеля расстреливали германских рабочих на перламутровых баррикадах, безоружные комсомольцы, обороняясь от полицейских броневиков, кричали:

— Trotz alledem!

Слова Либкнехта стали словами востания. Эти слова действовали сильнее приказов. Когда орган союза «Спартак» «Красное знамя», руководимый Карлом Либкнехтом, призвал рабочих к демонстрации, на улицы Берлина вышло 150 тысяч человек. На собрания, где выступал Либкнехт, приходили тысячи; помещены на амбразуши пришедших, и сотни людей оставались на улице, чтоб услышать хотя бы обрывки слов, которые говорились «Красным Карлом».

Соглашатели поняли, что вокруг Либкнехта вырастает сила, которая скоро сметет их. И в союзе с озверевшей императорской военной они подняли травлю против Либкнехта и против Розы Люксембург, другого руководителя союза «Спартак». Были мобилизованы все наемные убийцы. По улицам разбрасывались листовки и плакаты с призывом:

— Убейте Либкнехта!

За головы Либкнехта и Люксембург буржуазия назначила большую награду. Убийцы подстерегали везде, но рабочая молодежь зорко охраняла своего Карла и свою Розу.

Буржуазия все настойчивее требовала расправы над революцией. Лаконичные указы были спешить. В начале января 1919 г. отстранили начальника берлинской полиции Эйгорна, бывшего на стороне революционных рабочих.

Массы рабочей молодежи вышли на улицы с требованием оружия. Либкнехт снова вел их. Оружия было мало, но, воодушевленные революционным призывом Либкнехта, массы бросились на штурм капиталистического строя. 300 тысяч берлинских рабочих в холодный январский день в течение пятнадцати часов демонстрировали на улицах. Снег слепил глаза. Десятки провокаторов пытались разложить рабочую армию. Правительство пустило в ход пулеметы. Но жажда борьбы росла. Десятки молодых рабочих пали на баррикадах. Когда разъяренные контр-революционеры захватили одну из баррикад, их пленником оказался шестнадцатилетний рабочий. Солдаты приказали ему кричать:

— Да здравствует Шейлеман!

Он крикнул:

— Да здравствует Либкнехт!

Ему раскrojили прикладом череп и потом еще ирешетили выстрелами. Падая, почти без сознания, он снова крикнул:

— Да здравствует Либкнехт!

Либкнехт и его революционные призывы были последней мыслью германской рабочей молодежи, умирающей на баррикадах.

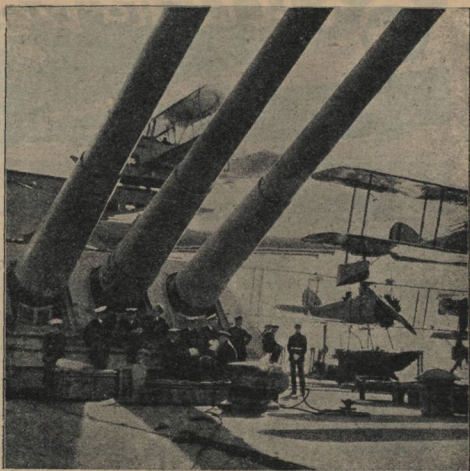
Буржуазия больше не могла терпеть. 15 января Карл Либкнехт и Роза Люксембург были зверски убиты наемными убийцами социал-демократа Носке.

И хотя Коммунистический интернационал молодежи был основан после трагической гибели Карла Либкнехта, мы вправе считать его идейным основателем этого Интернационала.

Нашей задачей было и будет:

— Слелать из каждого комсомольца нового Либкнехта!

— Trotz alledem!

Империалистическое «разоружение» — американская авиаматна.

ПЕСНЯ ПРОЛЕТАРСКИХ СОТЕН

(Вольный перевод с немецкого)

Смотри!
Через улицы твердым шагом
Идем мы,
Сомкнувшись
Под красным флагом.
Над нами предместий
Восходит звезда, —
Мы помним
Рабочим кварталам присягу,
Двадцатых годов
Боевую отставку, —
Идем мы, идем
Легионы труда.
Ты галстук с шляпой
На нас не увидишь,
Под блузой рабочей
Мы прячем обиды, —
Ты галстук с шляпой
Не увидишь на нас.
Трясем кулаками
Напогрему громадам,
Шагаем упруго
Ряд за рядом,
Мы помним
Рабочим кварталов приказ —
Товарищ, сюда!
Мы — Красная гвардия,
И каждый схватке рад.
Готовься, готовься,
Готовься, пролетарият!
Заводы и фабрики
Вместе с нами —
Завтрашним схваткам
Верный оплот.
Эй, выше, товарищи,
Красное знамя —
Диктатура рабочих
Республик — вперед!

Мы помним
О красных легионах,
Под пулями Носке
Репели колонны.
Мы снова шагаем —
В рядах миллионы.
Их Ленин
К последнему бою готовил.
Да здравствует Ленин!..
Товарищ, сюда!
Мы — Красная гвардия,
И каждый схватке рад.
Готовься, готовься,
Готовься пролетарият!
Рабочий народ,
Что не видел конца
Заботам, тяготам
В несильной доле,
Так сотри же пот свой
Кровяной с лица!
Воспрянь же, как лев,
Учужший волю!
Изгоним фашистов
И канжралов,
Мошенников, шулеров
И торгашей,
Веками сидящих
На шею твою!
Последним ударом
Раздавнись ты гада,
Воздвигнув над ним,
Диктатуру труда...
Товарищ, сюда!
Мы — Красная гвардия,
И каждый схватке рад.
Готовься, готовься,
Готовься, пролетарият!

МИХ. ГОЛОДНЫЙ

Рассказ Дм. ЛЕБЕДЕВА

Рис. Р. ЧЕРНЯКА

НА ОГНЕННОМ скате волн, где, дрожа, золотились ребристые блики заката, тоненькой стружкой промчалась в туман итальянская шхуна «Матэ». Багровый ветер кружилась в тенетах ее парусов, а на мачте игривой змейкой болтался растрепанный флаг, и в зелени от зелени берега море бежал переливчатобелый флякон волны, нежно белый, серебрено-белый, как бросенный в море и бурю парус таинственной лодки.

Он бежал и на рейд, и за рейдом, и в море, где башенкой пушки сверкал одинокий таможенный катер «Абхазия», осторожный и быстрый, как южная ночь, как ветер в ущелья, как волны прилива. А догорающий вечер был особенно тих, и легкий бриз на пустынном рейде был багровым от волн и от вечера.

От шхуны и пошло все.

***

С долины Ломбардии или с гор Пьемонта, из Неаполя, из Равенны, Пьяченцы, Венеции, Севильи, Генуи, Валенсии или Тосканы ветер в море принес этот старый напев. На шхуне «Матэ», когда зеленый и красный огни закружились в вакхическом танце с ветром, кто-то запел сумасшедшую песню волн, загадочную песню, которую пели люди и волны. От этой песни несло простором морских метелей. Зеленый и красный огни плясали попеременно с ветром, а между ними:

Синий призрак бродит в чаше.
Хмуро ночь зовут дриадки.
Льется в сумраке
    то гневный,
    то напевный
    хохот волн.
Звонкий хохот—злей и чаше.
В сонный год летят каскады.
Там, где дремлет
    Пиринг,
    веселее
    мчится челн.

У пограничного катера «Абхазия» тоже свои огни и тоже свой выпел на сереньком килеине ¹. Ветер, играя, треплет его и бросает в багровую пену заката. Но пограничный катер «Абхазия» молчит и не любит песен. У пограничного катера «Абхазия» строгий вид и серьезное молчание.

Закружилась, мешаясь с пеной волн, золотистая дымка заката. Пошел или не пошел катер? Нет, кажется, он еще жидет последней строфы песни, чтобы яростней броситься за рейд, туда, где волны темней и гуще, где играет с закатом туман, где поет одинокая шхуна «Матэ».

— Эй, на «Матэ!» Начальник рейда приказывает вам остановиться!

— Есть, остановиться.

На «Матэ» тени забежали по капитанскому мостику и сразу оборвалась песня. Суевой наполнилась шхуна, той организованной суевой, которая бывает на морских кораблях после команды.

Кажется, даже ветер перестал распевать в запутанных переплетях осесть.

На рейде застыло ожидание.

¹ Килейн—верхняя часть мачты.

Когда Володя бежал по трапу—это он оборвал песню «Матэ»—у него беспокойно билось сердце. На его лице резко обозначилось волнение. У него не было никаких оснований останавливать шхуну. Она ходила здесь часто, спокойная и медлительная, как все торговые шхуны, и ленточка на ее клотике, что нередко вымывалась по вечерам над серебряной пеной рейда, была знакомым сигналом, который равнодушно провозила равноцветные глаза «Абхазии». Ее встречали и провожали так же, как это делают с добрыми, старыми знакомыми незнакомцами, которым никогда не кланяются, но всегда улыбаются при встрече.

Но его удивил странный напев незнакомой средиземноморской песни, словно призывом ворвавшийся в однообразную мелодию волн. Никогда еще на рейде поста № 8 не пела шхуна, и никогда еще так близко к рейду не доходила «Матэ».

И, рискуя быть неловким, он решил остановить шхуну. Маленький капитан шхуны сеньор Сальва, казался, был готов к этому неожиданным визиту,—был необычайно предупредительным и любезен. Так могут быть предупредительными только люди, пришедшие из необычайной страны, где всегда царит солнце, а капитан Сальва был родом с солнечных берегов Сардинии. И пока переводчик сухо передавал Володе его церемонные любезности и пышные комплименты, Володя понял с беспощадной ясностью, что он совершил глупость. Теперь на этот счет у него не было никаких сомнений. «Дурак!»—подумал он о себе.—После завтра об этом будут трещать все европейские газеты и тогда изволь объясняться с уполномоченным Наркоминдела. Чорт!... Володя Ярцев, комсомолец Володя Ярцев остановил итальянскую шхуну... Дурак!»

Он собрал в себе весь запас своей корректности, которой его научила служба на море, и попытался передать его капитану «Матэ» через бестолкового переводчика, умевшего точно передавать мысли, но опускавшего из какой-то обидной экономии речи цветисты: обороты дипломатической вежливости, творчество которых было так, мучительно и сложно для Володы. Но сеньор Сальва был таким любезным и предупредительным, его желание заглянуть неловкость было таким явственным и горячим, что даже на сухом лице Володы появилась счастливая улыбка, и он долго и внимательно выслушивал необыкновенную благодарность капитана, красоту которой он скорее читал на его лице, чем угадывал из сухого, беспощадно логического перевода.

Зонкая речь итальянца, может быть, убавкала бы его совсем, если бы не внезапный крик штурмана «Абхазии», который заставил его броситься к трапу:

— Товарищ Ярцев, фелюга за рейдом!

Ночь была глубокой и черной, словно весь небосклон был затейливо выткан из тонких збонных ленточек.

Огоньки катера вырвались за двадцатифутовый рейд: там, за бегм-4 ажуром прибора, синими птицами взлетали на гребнях волн мутные турецкие фелюги—неуклюжие парусные суденышки, серые пятна на бело-синем покрове волн, которые нещадно трепало море.

— Мерзавцы,—крикнул Володя неизвестно кому и бросил штурману:

Полный вперед!

Его словно побросало, и тысячи мелких, острых иголок кольнули его в спину.

В бешеном реве кильев слышались угрожающие нотки. «Абхазия» вырвалась в бешеную игру волн, стараясь перекричать их, перелететь через белые облака пены. Волны пе-

рекатывались через палубу, смызали все, что встречалось им на пути, вывалились в рубку. Глухой треск исполнял суденщико. По всему каюте бегали люди.

— Эй, на фелгах, остановиться!
Повдвигий мрак не ответил ничем. На носу глухо рязнула пушка. Снаряд вымыл волну, и вновь наступила тишина.

В кружеве брызг потонули сигналы огней. Зеленые и красные денточки слились с синей мозаикой волн. Дизеля и волны проглотили смешную песню сирены: бархатно-черная муть продолкала безмолвствовать. Волны швырнули назад легкий калер. На рейде сторожевая шаландя огнями сигнализала: фелгои уходят, плохо видно в бинокль, спешите. Но сухой штурман сказал глухо и решительно:

— Баста. Дальше нельзя. Дизеля от отказываются работать.

Фелгои не остановились: они не хотели остановиться. Они ушли так далеко, что погоня за ними становилась нелепой. Огни на рейде разражались. Какого чорта кипятится за шаландя? Попробовала бы сама гоняться за штурмом!..

В синей мятели волн потонула «Мате». Горизонт становился всей черной и гуще, и только в кружевной пене рейда купалась красно-зеленой фелгой усташая «Абхазия».

— Проклятый итальянец! — выругался Володя. — Теперь ясно как дважды два: шхуна отвлекла наше внимание и тем дала возможность уйти фелгомам. Чтоб им...

С шаланди просигналили снова:

— Шхуна «Йорк»...
Володя глянул: кутанься в черном дыму, убежала английская шхуна.

Сигнальщик нашаланде потерялся в огненной пене волн. Масляный свет маяка грязным пятном лег на волны. Ночь закружилась каскадами искр, бликов и пены.

Володя крикнул в рупор:

— Шхуна «Йорк» остановилась!

Шхуна ответила тучей черного дыма: она нагрянула пары, подпрыгивая, как нелепый, несущийся ком, словно стараясь перескочить через волны. На палубе шхуны суденщис люди в зойдвастках, и случайный луч прожектора с «Абхазии» иногда улавливал мелкие расплывчатые тени.

«Абхазия» наперуло: носовое орудие режнуло воздух. За кормой стремительно вымыла волна, перенатилась через борт, сбдав холодным ливнем всех, кто стоял на палубе.

— Шестнадцать узлов! — сухо сказал штурман. — Нагоним.

Новый снаряд взметнул воздух. Шхуна сигнализировала:

— Останавливайтесь. Прекратите стрельбу.

«Абхазия» казалась игрушкой по сравнению с гигантом «Йорком». Володя с достоинством поднялся по трапу: он держал наготове свой кольт. Личо его было угрожающим:

— Документы!

Володя пробежал судовые бумаги и пыливо осмотрел палубу. Он про себя ругнулся: судно было в порядке. Мысль о контрабанде казалась ему нелепой.

— Дьявлю дурак! — буркнул он себе под нос. И весливо поклонился капитану.

— Я полагаю, дорогой капитан...

Он остановился и резко повернулся к «Абхазии».

Сандро — помощник — крикнул ему снизу:

— Фелгои на горизонте!
Удар кулаком сбил его с ног. Володя ухватился за перила борта и растерянно посмотрел вокруг. Десять винтовок были обращены к «Абхазии». Они вывалились из темноты совершенно неожиданно.

Капитан говорил по-русски не хуже Володи.
— Судя королевского английского флота не нуждаются в проверке. Убегайтесь вон!
Колет вызывающе стегнул воздух: капитан покотился по палубе.

— Молчать!
Два пулемета на корме «Абхазии» поднялись и застыли.

— Орудие на палубу! Руки вверх!

Старший лейтенант размахнулся тяжелым маузером. Володя широко раскрыл глаза: он ничего не понимал. Необъяснимый удар сбил с ног лейтенанта: тот покотился к его ногам.

Володя схватил маузер:

— Вас будут судить за бандитизм, мой милый.
Он обернулся в ту сторону, откуда последовал загадочный удар: там никого не было.

— Тяжелый шкот пролетел мимо, задел его плечо: это размахнулось Сандро. Шкот сбил с ног бормана.

— Молодец, Сандро! — крикнул Володя и, увернувшись от удара, швырнул в сторону налетевшего конгу.

Штурман «Абхазии» поднялся на капитанский мостик. Свирепо заработал машинный телеграф: шхуна «Йорк» тяжело поворачивала к рейду.

Через час «Абхазия» привела десюток фелгои. Они шли порожняком: за сутки по торо они перурузили в море на «Йорк» вывезенный за потийский рейд контрабандный гаримановский марганец.

Современные корсары оказались просто контрабандистами.

К утру штурман обнаружил на «Абхазии» новое лицо: это был загадочный матрос, упоминный наловат старшего лейтенанта «Йорк».

Он назвал себя Эдди О'Норком и категорически отказался уйти с «Абхазии».

О'Норк был ирландец, а у ирландцев речь отрывиста, как песни бури: туман и ветер всегда грезнятся в ирландских тротлах. На берегах ирландской Атлантики люди учатся быть молчаливыми.

— Я не пойду туда, — сказал он сухо. — Я не хочу туда итти. Я останусь здесь.

Володя, которому переводчик, улыбаясь, перевел эти слова, смущенно пожал плечами.

— Мы не вправе задерживать вас, — сказал он. Вы — гражданин другой страны, это вопрос дипломатический...

Эдди твердо уперся в стенку капитанской рубки, точно собираясь отстранить нападение. На лице его была написана решимость.

— Дипломатом нет до меня никакого дела. Они никогда не интересовались моей судьбой...

— А вот сейчас они заинтересуются, — сказал Володя. — Они интересуются вами именно тогда, когда вам этого меньше всего хочется.

Эдди пожал плечами.

— Я не поеду назад, — отрезал он, — и вы зря меня убеждаете. Мне нечего там делать. Я приехал сюда. Вот...

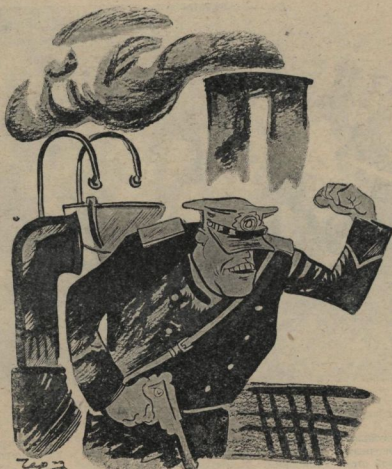
Он перевел Володе поломанный, старый значок — знаковый значок, который заставил улыбнуться Володю. Он отдал его Сандро.

— КИМ, — сказал он. — Это значок КИМ'а. Перед нами — ирландский комсомолец, — фант.

И уже приветливо взял под руку Эдди.

— Ладно, — сказал он. — У нас тоже есть свои дипломаты. Они как-нибудь позаботятся о вас. Здравствуй, товарищ!

Мы, ведь, еще не поздоровались, не так ли?

Старший лейтенант размахнулся тяжелым маузером.

КРАСНЫЕ ДНИ ШАНХАЙСКОЙ КОМСОМОЛИИ

С. РОСТОВЦЕВ

30 МАЯ 1925 г. в Шанхае империализм объявил войну китайской революции. Английские жандармы ввели на себя нелегкую задачу — утвердить торжество европейской демократии, выполнение которой начали японские надсмотрщики «Нагай-Вага-Кайша», убившие китайского рабочего. Рыцари крови упились легкой и безопасной победой.

Английская демократия торжествовала: 30 мая на шанхайских улицах осталось четверо убитых и 27 раненых.

Больше тысячи арестованных переполнили застенки империалистического Шанхая. Сетельмент облеглочно воздухоу: приближался вечер, и красное солнце становилось все более бледным.

Белый террор кровавым кошмаром навис над стремнинами Жемчужной реки. Жемчужина стала красной. Пустьим и неплым шаром уходило за океан красное шанхайское солнце.

— 4 убитых.
— 27 раненых.
— Больше 1000 арестованных.

Кричали полотно знамен. В шифрах утонули единицы безвестных комсомольских героев.

Жертвы требовали:
— Протестуйте!
— Колыхались миллионы.

В эти дни Южный Китай упивался лозунгом классового мира. В эти дни на улицах Кантона молодые китайские капиталисты отдавали честь красному знамени восстания. В эти дни огоньки восстания вспыхивали в бесконечных просторах Китая на юг от Великой стены, на север от Жемчужной, на восток от берегов океана.

Мистер Эверсон, начальник английской полиции в Шанхае, ошибся: он открыл стрельбу раньше времени.

Рыцари крови, жадные до всякой провокации, поспешили со своей расправой.

В эти дни китайская буржуазия еще не решалась открыто стать на сторону империалистов.

И когда на улицах Шанхая раздалась выстрелы, в переулки Чанея и Путуна пришли первые делегаты буржуазии.

Их привели студенты, друзья комсомолы...

Шанхайское купечество заваяло:
— Вастуем.

Это был первый прибой волны антияпонского движения, которая потом разлилась по всему Китаю. Шанхайские купцы ушли, что борьба против японской конкуренции им на руку: ради этого стоит поиграть некоторое время красным флагом.

По улицам Шанхая стихийный протест понеслась забавотка сотен тысяч ки-

тайцев. Бастовали не только рабочие, — бастовал весь угнетенный Китай.

В университетах, в бесчисленных китайских и иностранных школах, окрипла, захлопнулись двери, и только глухие голоса сторожей беспокоили молчание пустых, низких, огромных аудиторий. У порогов миссионерских школ уставшие до хрипоты учителя в рясах безноводенно вызвали к вышедшим из повиновения, шумно марширующим по шанхайским улицам, распеваящим ком-

с причудливой вязью китайских иероглифов свежей порослью разбежались плакаты-протесты. В иностранных магазинах китайцы прикалывали слепио закатывали работу и бежали на улицу.

Маленькие отряды демонстрантов спешили к площадям, свалились в колонны, неизменно повторяли лозунги, горячие, как шанхайский полдень. У английского, японского, французского, голландского, американского банков в лучах солнца заверкали настороженные пулеметы: там тоже непрерывно хлопали двери, и китайцы — служакние, на холу застегивая оюртуки, бежали на улицы, провокаемые словами ненависти и проклятия.

В Чане, отбивая мерный шаг, двинулись к заводам первые забастовочные пикеты. На заводах еще отсутствовали свои бессмысленный, холодной хол теперь никому уже не нужные машины.

Жизнь вышла на улицу: огромная, горячая, все еще кровавая после вчерашней расправы, она равноночно пожирала бесконечные протестующие толпы, купая их в лучах рассветного солнца.

Тысячи. Сотни тысяч. Миллионы. Никто не считал демонстрантов. Но с утра, когда в океане еще только поднимался бледнооранжевый, золотистый рассвет, и до глубокой

ночи, когда бирзовое небо становилось лагурно-глубоким, в улицы тяжелой поступью входили новые и новые толпы.

Назьнь комсомольца, после восстания в Шанхае.

сомольские лозунги, ученикам. Анти-японское движение ослилось с антихристианским. Христианство стало синонимом угнетения, империалистической наглости и китайского позора: какой величественной антирелигиозной пропагандой была триниз по четырем растрелянным!

Утро. И опять буйное солнце. Красное солнце рабочего Шанхая.

На прилавках китайских магазинов убраны последние куски товара, уложены в ровные ряды замасловатые китайские меры. Тяжело захлопнулись двери опустевших зданий, и под вывесками

Арестованные китайские комсомольцы. Полиция Чан Най-ши сняла с комсомольцев красногвардейскую форму и после издевательств и побоев отправила их в тюрьму.

Негритянская коммунистическая и русская комсомолка.

Шли высохшие, желтые, изъеденные кислотами, рабочие химических заводов. Их равномерный, глухой кашель беспокоил ранние, еще пустынные улицы города, точно предвещая надвигающуюся могучей стихии, еще как следует не расквашенной, но уже готовой обрушиться на землю.

Шли ученики, с детских лет пропавшие в работу на фабрику, с искривленными позвоночниками, с глухими голосами, с беспоконными взглядами, — дети, отчаявшиеся во всем и готовые ко всему, часто равнодушные к смерти.

Шли работницы с текстильных фабрик, еще не так давно коротавшие дни голодного детства на берегах Жемчужной, на рисовых полях Хунаи и Фучэна, в жалких деревушках Цзяньсю и Чжэньшэна, потом купленные поштучно и оптом у отставших ролетеров агентами по сбыту живого товара.

Шли седые старики, юноши, в двадцать пять лет ставшие содами от работы, зараженные боевым задором молодежи и сами заразившие ее терпением и упорством.

Шли студенты, всегда крикливые и шумные, без конца повторявшие лозунги комсомола.

Комсомол шел за собой тысячи.

Демонстранты шли, количественно не уменьшаясь, а вырастая час за часом. За Шанхай забастовал Кантон, Ханькоу, Тяньцзинь, Циньдао, Нанкин, Цзоцзян, Ханькоу, Наньчан, Чаньша. В сюжетах Рейтера кинематографически мелькали экзотические названия бастующих городов. Помойная яма английской разведки «Норт-Чайна-Джайлс-Ньюс» злобно шипела об этом движении протеста, без конца потрескав мир сплетнями о большевистских шпионах.

Десять миллионов бастующих! Десять миллионов демонстрантов! В тысячелетней истории Китая не было еще такой волны протеста.

Тысячи мелких купцов и студентов, сами того не желая, стали первыми пропагандистами классовой борьбы.

После 30 мая комсомол подсчитал свои силы: процент рабочей молодежи увеличился втрое. Так сто тысяч шанхайских молодых рабов ответили мистру Эверсону.

Три недели тянулась всеобщая забастовка. Объединенный комитет по руководству забастовкой, созданный профсоюзами, студенчеством и китайскими купцами Шанхая, был полнее хозяином города. В эти дни слово комитетом было законом. Шанхай стал городом наступающей революции.

17 требований вылинул объединенный комитет. 17 требований, среди которых на первом месте стояло требование признания за китайцами прав на человеческое существование, наказания виновников бессмысленных расстрелов, наказания того, чтобы эти расстрелы повторялись. Это было очень скромно, но это было выше сил империализма.

В половине июня шанхайские буржуазы начали злобно предательство. Городская палата опубликовала свои 13 требований: этим шанхайское купечество фактически сняло свою подпись с ультиматума объединенного комитета. Его 13 пунктов выполняли скорее малый лепет молчалих о пощаде рабов, чем требование народа, жаждущего освобождения.

22 июня, впервые после трехнедельной стачки, застучали окна и двери открывающихся магазинов; китайское купечество прекратило забастовку. Начался отлив и в рядах мелкобуржуазного студенчества.

В революционном движении намечался новый впадение: буржуазия окончательно перешла в лагерь империализма.

20 марта 1926 г. Чан Кай-ши объявил поход против революции. Нанкинским переворотом Чан Кай-ши начался второй период китайской революции. Реакция торжествовала. Комсомольские и партийные организации уходили в подполье.

Но шанхайская забастовка сделала свое дело. Все колеблющиеся, шаткие неустойчивые элементы отошли от комсомола. В огне борьбы, на улицах в дни кровавых схваток полетели выстрелы, кто его друг и кто враг?

Шире двери для рабочей и крестьянской молодежи! — такой вывод сделал комсомол из шанхайских событий.

ПОТОМКИ ЧИНГИС-ХАНА

Очерк Я. К. ОКУНЕВА

Аэроплан и верблюд — странное сочетание. Несколько дней тому назад мы прилетели на почтовой аэроплане в столицу Монголии Улан-Батор-Хото. Под нами плыла степь, белелись круглые юрты, шел длинный цепочкой караван верблюдов. Сегодня мы сами качаемся на горбах верблюдов, звякают колокольцы, кричат погонщики-монголы.

Вчера в Улан-Баторе на заседании Малого Хурулдана (вроде нашего ЦИК) а монголы в синих тарханках (халатах), в островерхих шапках, отороченных мехом, обсуждали вопрос о проведении железной дороги на Кяхту и об электрификации. Сегодня такие же монголы ведут верблюжий караван, и один из них рассказывает, что весной ему не удалось залучить жертвой доброго духа, покровителя стада, и оттого у него пали лучшие быки в стаде.

Рядом с погонщиками шагает молодой монгол. На груди у него алеет значок КИМ'а. Он — организатор монгольского ревсомола и разрезает по степным хуторам (поселкам) Кобдоского округа по делам организации. А тут же у дороги к белому стилистичному святому, субургуну, припал в молитве такой же молодой монгол с пробитой макушкой, с четками в руках, — это лама (монах) из дацана (монастыря) Даун-Курен.

Ревсомолом раньше сам был послушником-банди в этом дацане. Он знаком с ламой и окликает его: — Самба!

Тот оборачивается, проползая перепертав четки, хмурится и снова припадает к колодезному субургуну.

Улан-Батор-Хото — кузца глинобитных домов и в его краях улочках стоит восточный городской гомон — заунывное ление бродячего куплетиста, присевшего тут же, в толпе слушателей, с длинным инструментом, похожим на балабайку, крики ослов, нагруженных кладами, блеяние овец. В галдящей толпе

застыл автомобиль с монгольским правительственным флагом. Монгол-шофер делает отчаянные попытки вырвать автомобиль из затора людей и овец.

Улан-Батор-Хото — пренная Урга — рожден монгольской революцией 1921 г. В бывшем дворце ханшителя Монголии, Богдо-Гегена, который считался восьмым перерождением Будды, собираются сосны Великого хурулдана, соответствующего нашему всероссийскому съезду советов. Из степных хулонов и коचेви съезжаются пастухи-араты и бывшие хамджилги — крепостные.

— Куда горюштысь? — рассуждает монгол-погонщик. — Время бежит без нас и несет с собою, как поток речной, людей и их судьбу. Был недавно Богдо-Геген, были яма, гумы (князья). Где они теперь? Он сам был хамджилгой и некогда в своем дворце, лишенный власти, от последыней сифидила. У Богдо-Гегена отстался сын. Он тоже воплощение Будды. Погонщик-монгол считает, что с него хватит Будд на троне.

***

Солнце скатывается за далекие синие горы, которыми замыкается степь. Скоро вечер. Монголы сняли с верблюдов кошму и колья и разбили юрты. Меня угощают бараниной и даузаном — киргичным чаем с бараньим жиром. Этот чай вызывает приступ рвоты, но приходится пить даузан, чтобы не обидеть монголов.

— Ты горяч, ты ешь и пей — мне не жалко. Отчего у тебя горькое лицо? Разве мое угощение тебе не по душе?

— Гость в степи. У меня не возмрут денег, но я должен отплатить подарком за угощение и приют, и если мой подарок будет дешевле стоимости угощения, хозяева будут расстроены.

— Должно быть, мы не угодили тебе. Скажи, чего хочешь? Мы хотим, чтобы ты был доволен.

Впрочем, понятия о ценности очень спутаны у степных монголов. Плитка дзузана — деньги и серебро — деньги, но дзузан дороже серебра. А читка грошевого бисера, которым я отдал монголку, зарившую дзузан, вызвала восторг, смешанный с тревогой.

Мы слишком бедные люди, чтобы заслужить такой подарок. Возьми себе мой шелковый тарлик (халат). Шелковый тарлик пропал бараным салом, но от него отказываться нельзя:

— Когда ты вернешься с чужбины, надень его в праздник, и пусть тебя хранит Саган-Дари-Эги (дух долголетия). Ревсомолец-монгол, сидя на кошке на корточках, вступал со мною в разговор. Он спрашивает, много ли еще в СССР дашанов, и когда я удовлетворяю его любопытство, он рассказывает о чистке.

Да, о чистке, и еще — о правом уклоне. Этот монгол в тарлике с узкими степными глазами на скулатом лице, участвовал в борьбе против правого уклона в Монгольской народной партии, стоящей у власти, и был членом комиссии по чистке.

— Мы сделали переворот и выбросили лам и бывших князей, которые втерлись в партию и тагнули страну назад, — говорит он.

Почти половина населения Монголии — ламы. В дашанах сосредоточена литература и искусство. Ламы и банди — интеллигенция страны. Низшее ламство, недовольное гнетом будиста (князя монгольской церкви), участвовало в революции 1921 г. и заполнило собою ряды народной партии и монгольского ревсомола. Они образовали правое крыло, и в 1921 году во главе с главнокомандующим Монгольской народной армии Данзаном повели экономическую контр-революцию. Левое крыло ревсомола и революционной партии разоблачили Данзана.

На заре нас начал автомобиль из Улан-Батора. Я расстался с верблюдами и поехал на автомобиле. Это было не легче, чем на качающейся горбе верблюда. В Монголии нет тракторов и шоссей. Мы неслись по старому караванному пути, исполтанному тысячами верблюжьих копыт, размытому дождями. Автомобиль подбрасывало и шарахало в стороны. Дорогу неожиданно перерезала речка. Здесь был брод, и шофер, не задумываясь, повел автомобиль вброд.

Тотчас же после этого брода автомобиль стал. Шофер полез под кузов, а вокруг собралась кучка монголов-пешеходов. Все они горестно шелкали языками и указывали на близкое стойбище, где были лошади.

Пришлось идти пешком к стойбищу. Монгол ни в чем не отказывает путешнику. Вам нужны лошади, они будут. Но

МОНГОЛИЯ. Хоцун-Ямынь (узвядный исполком). В центре — председатель.

раз вы пришли — вы гость. Вас нельзя отпустить без угощения, и неприлично чтобы вы зашли в юрту на несколько минут по делу. Садитесь, время терпит, лейте дзузан, отвечайте на вопросы:

— Как ваше здоровье? Как поживает ваша супруга, детки, роина, ваши быки, овцы, верблюды? Благоприятствует ли вам удача в ваших делах и т. д.

Вы должны распространить досконально вашего собеседника о том же, пить дзузан не торопясь, есть баранину без спешки, а дело — оно не уйдет.

В юрте у монгола-халхасца, кроме нас, уже был гость — китаец с обильным животом, со щеками, как у бульдога. Он был приказником торговой фирмы и едиль по степям высказывать долги с монголов.

Времени у китайца было еще больше: он жил в этой юрте уже с неделю и собрался жить до тех пор, пока не выколотит долг у халхасца Дамбы, который даром кормил и поил его.

— Что ты ему должен, Дамба? — спросил ревсомолец-монгол.

— Он помнит, — указал Дамба на китайца.

— У тебя записано, что он брал? — обратился ревсомолец к китайцу.

У китайца не было никаких записей.

— Разве бумага умнее головы? — возразил он.

Китайские торговцы ведут торговлю в долг и предпочитают память запискам, а доверчивый монгол считает память китайца надежнее бумаги.

Он брал у китайца прошлой осенью дзузан. Китаец требует за полг барана. Правда, баран значительно дороже нескольких плиток кирпичного чая, но китаец уверяет монгола:

— Ты платишь мне не только за дзузан, но и за время.

И пока у Дамбы не найдется барана для уплаты долга, китаец будет жить у него, а Дамба будет считать неприличным отказывать в чем-либо гостю.

До революции вся торговля в Монголии находилась в руках китайцев, которые закабалляли аратов-пастухов долговыми сделками. Перенитки этой ростовищеской торговли еще не вытравлены, несмотря на то, что в Монголию проникли уже советские торговые организации Центросоюза, монгольское правительство развивает сеть кооперативов.

— Это правда. У Центросоюза все ясно, как на небе, — соглашается Дамба. Но он не приходит ко мне и не плат со мною дзузан, а с китайцем я делаю дело за дзузаном.

На каждом шагу у монгола — боги, духи, демоны. Боги и духи принимают любой образ: они воплощены в образе барана, лошади, быка, собаки, они живут в степях под видом тарбагана (суслика), летают в небе в виде степного коршуна, они принимают участие во всех делах человека.

Ламизам старается приспособиться к новым условиям, и в среде монгольского ламства возникает движение, сходное с нашей ежиков церковью.

— В Ленине жил дух Будды, — совершенно серьезно утверждал ревсомолец-монгол.

В подтверждение своих взглядов он показал мне брошюру, напечатанную в Улан-Баторе.

«Революционное понимание общины дает прекрасный мост от Будды к Ленину, — перевел он мне. — Ленину шелл истинны буддизма, построим же мы основу буддизма на его заветах».

Попытки передового ламства подменить Ленина Буддой и внушить, что не Ленин, Будда был основоположником коммунизма, имеют своей целью удержать свой авторитет в аратских массах.

Но уже чувствуется трещина в старых верованиях. Монголы осуждают жалкое ламство.

— Богам совсем не нужно скота, а скот нужен бедному человеку. Зачем же у дашанов столько стад? — рассуждал тот самый монгол, у которого гостил бродячий лам.

С огромными трудностями встает на новую дорогу темная страна пастухов, опутанная ламами, разоренная китайскими ростовищниками, забитая феодалами. На каждом шагу в ней перепелось новое со старым, которое цепко и живуче в этой стране пастухов.

КИТАЙ. Ареванские комсомольцы привязаны к окошку временного чанкайшистского участка.

ВЫСОМОЛ

Повесть М. СНЕЖИНА

(Окончание)

Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

(Из рукописей, полученных на конкурсе)

ПАВЕЛ посмотрел через крышу и двэр. Он взглядел маленькис склеенное до половины пестрой бумагой. Ясно телефонной подстанции. Это скно напомнило сди из тех лоскутков цветной бумаги, кот рые, как обрывки ярк:х дум, валялись на когда-нибудь забрешенном «Высомоле»...

— Но Анка, ведь, все эти дни работала с другими девчатами на «Высомоле»,—попробовал успокоить себя Павел,—она все время заговаривала со мной, смеялась, шутила спрашивала: навеки ли я влюблен в крышу или во мне пронутся когда-нибудь и чувства к полу. Но сейчас... Да, ведь, сейчас ее пожимает Борис. Он ходит у ворот и ждет ее, Анку.

И скимались кулаки.

Конечно, Борис, только Борис был виноват в том, что в следующую минуту Павел вспомнил книгу одного из «немешких мастеров», подаренную Щегловым в первые дни их знакомства.

«Д-р Левенфельд, Гилноз и его техника. Очерк учения о гипнозе и внушении с обращением особого внимания на его практическое применение. Предисловие проф. Платонова».

Может быть, только потому, что была просмотрена эта трудная книга о тайнствах «лестнич, сомнамбулизма, снот исков и прочем лодобом, Павел по-настоящему задрожал, когда в ответ на олднокне думы и тревожные по-всему мысли до плеча его дотронулась теплая рука. Нет. Это было нереально.

Но в ту же минуту прозвонел обращений к нему вопрос: — Ты что, Павел, бредишь?

Когда Павел поднял голову и посмотрел в темные по-ночному глаза, он сразу забыл название книги одного из обожаемых Борисом «немешких мастеров», забыл, что они вообще существуют, забыл, что где-то близко ходит Борис. Он сразу пришел в себя и сказал просто и прямо:

— Да, Анка, я бредил.

Тогда девушка отвела глаза, и лицо ее похолодело от луны. — В ночной смене почти нет работы, но каждую минуту могут позвонить. Я оторвалась только на минуту и пришла к тебе по делу...

Холодное «по делу» заставило Павла выпустить ее руку.

— Павел, я встретила внизу Бориса Щеглова... Ты не смотри на меня так. Я после одной истории оскорбила его. А сейчас вижу он был какой-то бледный и странный и сказал мне: «Я больше не захочу встретиться с вами, но знайте, что Павлу я ничего не простига». Что между вами было? Вот это я хотела тебе передать. Ну, а теперь я побегу,—там, может быть, звонят...

У лестницы она обернулась:

— Да, Павлик, у меня есть к тебе еще одно дело: поминишь, ты собрался спеть мне какую-то «песню любви»? Чья эта песня? Кто ее написал?

И, не дожидаясь ответа, она побежала вниз.

— Никто,—выпрямившись, закричал в небо Павел и пошел в цеха, на ходу ощупывая ласковой рукой теплые и дрожащие поросистые тела моторов...

Когда Анка оббежала вниз, у нижней ступени ее схватил за руку Борис:

— Любимая,—напыщенно прошептал он,—выслушай меня. Неужели?..

Анка не остановилась и пыталась пройти мимо, но он задержал ее руку силой. Он даже хотел притянуть Анку к себе, и губы его уже шептали:

— Любимая, последний поцелуй, и я иду с твоей дороги, если ты прикажешь мне это сделать.

— Вы... вы... убирайтесь прочь!—крикнула в его приближенное лицо Анка и, вырвавшись с неомиданной силой, пробежала мимо него. Она слышала, как он глухо бросил ей вслед:

— А, так? Хорошо. Я не побегу за тобой. Хорошо же...

За Анкой со стуком захлопнулась дверь телефонной подстанции, и девушка села у молчаливой против обыкновения трубки коммуатора. Из какого гнезда доски на нее прострело пространство, ирезанное, как рука старика, сетями проволочных жил, готовое каждую минуту притиснуть страши или радостные весты. От этого становилось тяжело, внутри обострилась какая-то тревога, подчеркнутая встречей с Борисом, тишиной и одиночеством ночи. В этом странном ощущении сливались все: едва слышные голоса в заводе, шорох колес по двору завода и стук вагонеток на рельсах; шелест трав и ветер и невнятные слова Бориса; слышанные когда-то и прочитанные слова о преступлениях, любви и крови; мысли и клочечки мыслей о Павле, «Высомоле», о грозových разрадах и котгах. Это граничило с забытьем, в котором Анке вдруг явственно показалось, что она, взяв у Павла котги, старается влезть на огромный термометр, наверку которого видна красная цифра «42». Это было так нелепо и страшно, что Анка очнулась и сжала руками горячую голову. И снова ей в глаза смотрели стеклянные и неподвижные трубочки грозových предохранителей из черной, похожей на гроб шкатулки. Это было неосознанная веселая тревога, которая приходит к кому-нибудь каждую весну, тревога одинокова в радости и в горе, превращающая лучи луны в лучи неведомых прожекторов, взрывы на каменных карьерах—в разрывы снарядов, прилетевших из неведомых даль, мирные песни за рекой в деревне—в боевые и разрушительные крики. И тогда стоят над землей сплошные и сплошные стоны от собачьих и жабьих голосов.

Анка явственно услышала шорох за окном. Потом на окно легла неясная тень подошедшего обочу человека. Она хотела вскрикнуть, но уже растворилась она половина окна, и девушка услышала, как звякнуло на полокочнике железо.

Павел положил на окно котги и тихо проговорил:

— Анка, я починил фонарь на соседнем столбе и заглянул к тебе по делу. Не забудь захватить завтра на воскресник готовые лозунги «Высомола».

Он помолчал несколько секунд и, отвернувшись, договорил:

— И еще одно дело: песня любви—это моя песня. Но я не умею петь и я... я не артист, а электрик...

***

Борис с тяжелой пустотой в сердце, с горечью обиды и злобы, с острым колющим оскорбленного самолюбия, словом, со всей совокупностью ощущений победенного побрел прочь от завода, поминутно глядясь вправо на немгавшую дежурную лампочку «Высомола». Ему нравилось возводить все события последних дней на высоту какой-то исключительной трагедии, нравилось думать о себе, как о герое, смелом, решительном и ловком, но потерпевшем случайное поражение. Героем, для которого все это—невозвратная и случайная потеря прекраснейшей девушки...

И, как всякий герой, Борис думал о мести. Неизвестно-решительные планы бродили в его голове. Но он ни одной минуты не останавливался на мыслях о таком простом способе мести, как убийство или что-нибудь подобное. Она, его месь, должна была быть заметной и оригинальной. И сам он должен остаться победителем не за решоткой дома прину-

дательных работ, а победителем на свободе. Ведь, только тогда и стоило бы мстить. Мстить по специальности. Необычайная мсть. Ответвление от мутной кабели высокого напряжения, огромный волтов огонь пережигает лестницу, ведущую на «Высоком», груды тел... И криша по-настоящему равненана.

— Это необычайная мсть,—беспрепятно повторял Борис и негодливо стлкнулся с Катковым.

Шел Степан Егорович с обострившимся удушем в груди. Его тоже мучила весенняя тревога: сегодня Лена не вышла на условленное свидание. Узнав Бориса, Степан Егорович сразу встряхнулся и обрадованно заболтал:

— А, рыцарь лунного ордена. Теоретик машинной любви. Какая, по величю судьбы... хе-хе... астреха. Ну-с, что у вас на лунном фронте? У меня, знаете ли, маленькая неприятность: моя, так сказать, птичка не вылетела сегодня навстречу к стреляному воробью... А ваша?

Тут только Катков заметил пустые и застывшие глаза Бориса, которые могли испугать.

Борис глухо проговорил:
— Враг блаженствует: она бегала к нему на крышу, а меня... меня она прогнала. Я виноват сам, но что мне теперь делать? Что мне делать?

— Ммм,—промчал Катков,—как стрелный воробей, я вам это предсказывал. Это, я говорил, неисправимый промах. Но это все пустяки, у вас дела могут поправиться. Вас, ведь, не...

И опять заслепились глаза маленького толстого человека, как будто целые свера обид и печали лежали под его бровями цвета отгорающего камыша. Удуше снова нахлынуло на Степана Егоровича.

— Милый мальчик. Они уже были у меня, те, которые, по вашему незабываемому выражению, придумали себе право чистить... Они придираются к старику, молодой человек. Их, видите ли, интересует, почему я отказался переписывать протоколы собраний. Я, по их мнению, чуждаюсь какой-то там общественной работы. Но я не хочу тратить времени на переписывание, являющее за выражение, их глупых речей... Молодой человек, почему они не видят, что у меня от тридцатилетнего писания мовали на пальцах?

Они поделились своими нечаями, и теперь чувствования электрика Шеглова и бухгалтера Каткова стали общими. Борис снова почувствовал острую жалость у этому человеку, которого их общие враги хотели заставить переписывать протоколы руками, натруженными многолетним и каждодневным держанием ручки. Борис вял руку Каткова, пожал ее и выдохнул страстным шопотом:

— Степан Егорович, не бойтесь врагов. Может быть, я уже начал мстить...

Тогда Катков снова протянул Борису маленький флакончик и пробормотал:

— Да, ал. Нужно мстить. Только не горячитесь, не делайте глупостей... Вот, понохайте...

«Это уже было со мной когда-то... Точно такое было,—подумал Борис, пробуя определить,—это повторный рефлекс... И зашагал прочь от Каткова...

Подходя к дому, Степан Егорович привычно задержался у небольшого нового каменного строения с пятью тесаными дверьми. Единственная лампочка, которую люка смог уделить сюда завод, сейчас освещала надпись, выведенные мелом на всех пяти дверях.

Степан Егорович заинтересовался, достал пенсис и прочитал: «Закрываются двери. Дети могут попасть».

Он перешел лавка на другие двери и веде видел эту надпись, сделанную чьей-то заботливой и, повидному, женской рукой. Почему-то эти надписи его возмутили. Он почувствовал острую неприязнь к тому, кто писал это, к этому необходимому месту, такому новому, но едва освещенному единственной лампочкой, уже грязному и непроходимому.

Забыв усталость в натруженных ручкой пальцах, он достал из кармана толстый красный карандаш и вывел смаху на первой двери:

«С каких пор вы стали такими заботливыми, уважаемые?» Он перешел к следующей двери, снова прочитал: «Дети могут попадать и разволосили: «Что за глупые фантазии? Ваши дети и близко сюда не подходят. Они предпочитают гадить прямо на пороге».

Этот Степан Егорович начертал на второй двери. А перед третьей дверью он уже вошел в раж. По доскам застучал тяжелой красной карандаш, из-под которого вылилось вдохновенное обличение:

«Заботитесь о детях? А много вы помогли бесприворотным Линемерым? Долго ли вам новых детей делать? Я видел, как вы превращали это единственное место в брачные покои, в помешение для собачьих свалды».

Четвертая полоторванная дверь сама просилась под его карандаш...

Степан Егорович перевел дыхание, переступил с ноги на ногу и припал на последней двери:

«Вы и ваши дети—пройдите. Теперь, когда мать просит трехлетнего сына принести ей стакан воды, он заявляет: «не пойду,—я уже ходить не умею».

Катков влохнул, погулал и подписал:

«Ребенку, который не упадет».

На рассвете в коридоре двухэтажного дома кот уронил чердачную лягу. Стук не разбудил людей, которые спали обычным сном после трудового дня. Но в трех комнатах стук был услышан (и странное дело) тоже спавшими людьми.

...Секретарь чьяки Бруско поднял со стола отлежшую шеку, посмотрел мутными глазами на смывшуюся обложку книги: «Хозяйство и генеральная линия», перевел взгляд на угол, где на кровати, как-то непрочно улегшись, не раздеваясь, уснула жена, и подумал о том, что в последние время он потерял связь с женой.

Катков юркнул за каменное строение.

Потом он подошел к кровати, нежным прикосновением исколеченной кисти разбудил жену и, когда она еще свквоз сон спросила невнятно: «Что, Костя?»—наклонился к ее губам поцеловал ее тепло поцелуем...

...Павел вскопнул, натянул упавшие «гусы» и выглянул окно. На смутно выросывающемся «Высоком» предрассветно догорала джуранная лампочка. Павел понял, что он спал только два часа, вернувшись с третьей смены. Но это было чертовски хорошо, что он так рано проснулся. Ведь, он мог проспать.

Кот, уронивший чердачную лягу, кот, проведший ночь на крыше, кот, разбудивший Павла, был бы осыпан в этой комнате благодарностями, если бы Павел знал, что обязан ему пробуждением.

...Степан Егорович приподнялся на холодной холясткой кровати. Под ним тоже лежала книжка, сложенная пополам, так, что название ее оставалось скрытым, но внизу страницей мелко вынелосено типографское обозначение: № 1. Куприн, т. III. Приложение к «Ниве».

Ночью у него в тяжелых и страшных формах проявились весенняя тревога. Невыразимые кошмары наваливались на грудь. О них нельзя рассказать, но их содержание приблизительно сводилось к следующему: «архитекторы» железяными шетками, какие Катков единственный раз в жизни видел в машинном отделении, чистили его лучший костюм; кто-то наливал ему в огромную пивную кружку «секаровскую» жидкость; Лена била его по плечу и говорила: «у вас седые виски и сердце, паша». А Борис предлагал ему индаль в Германии то, что было начертано Катковым на дверях...

С пробуждением странные видения растаяли, кроме одного. Катков проснулся с сознанием, что спелал чрезвычайную глупость. Его почерк легко узнают там, на дверях. Он может стать объектом для насмешки, а, может быть, и прелюдией за высказанные мысли. Его наводит контр-революционерм и кловетным писаквой...

Катков нашарил в коридоре старый, заржавленный солдатский котелок, разболтал в нем сажу, чернила и салонную вакуу и вышел.

Росное и серое предрассветье... Вымерли жабы, собаки, люди... Архивная пыль еще не повисла над дорогами... Ничем и никем не потревоженный, Катков уже прошел полпути к цели, когда свали посылышася бег и его обогнал Павел.

— Что это у вас, Степан Егорович, — тоже воскресник? — спросил он, указывая на котелок.

Степан Егорович даже заборманил, но сейчас же нашелся: Да... нет... Видите ли, я собрался голубице покормить. А вы куда идёте? Ах, вот как. На станцию за новыми машинами. Чудесно. Желаю, по велению судьбы, хе-хе, всех благ и удачи...

Павла заинтересовал котелок Каткова, возмущая из котелка сапожная щетка и, наконец, странное возбуждение Степана Егоровича. Он прошел вперед, подсмотрел через плечо, как Катков юркнул за каменное строение, тихо вернулся. Он успел прочитать все, стоя за спиной Каткова, и вдруг сказал ему в самое ухо:

— Ваша стеньгавета помогла. Сегодня же мы поставим вам сюда лампы, а уж душистой бумаге — черт-ма И еще: социализма завтра не обещаем. Эх, клонивший вы человек, Степан Егорович. Протоколы переписывать у вас руки болят, а тут... Павел махнул рукой и пошел, не вняв, слышал ли его на смерть перелугавши и выронивший котелок Катков. В заикающемся лепете Каткова отчетливо послышалась только одна фраза:

— Неукотрые мысли приходят, так сказать, в голову в этих... удивленных ка... кабинетах...

До одиннадцати часов вечера Степан Егорович ждал Лену на обычном месте свиданий за рекой. В одиннадцать он тяжело вздохнул и пошел на разноцветный фонарик «Высомола».

Шел Катков почти бесознательно, повинуюсь какому-то чувству одиночества, гнавшего его туда, где должна была в эти минуты находиться Лена.

В сердце Степана Егоровича было так пусто, что он не хотел, да и не мог сменить ни одного из своих ощущений. Ему не было никакого дела до того, что под разноцветными огоньками, на которые его сейчас потянуло, происходило нечто необыденное.

Кто-то как-то с чем-то возился на крыше. Катков слышал об этом все эти дни. Ему под руки в конторе попадались эскизы, чертежи, планы и сметы «Высомола». У него на глазах развертывались столкновения между строителем «Высомола» Павлом и его противником Борисом. В эти столкновения некоторым образом через Бориса и Лену был втянут и сам Катков. Но сейчас все это было от него так далеко и высоко, где-то за воротами завода, на крыше одного из самых высоких корпусов, куда не хотелось заглядывать и незачем было поднимать голову от земли. Однако, там была Лена, его Лена, так внезапно оторвавшаяся от него и от земли. Когда он подошел к одной из поднимавшихся на «Высомоле» ажурных лесенок, ему показалось, что в летящих высоко над головой голосах и звуках он явственно слышит ее голос и смех.

Повинуясь все тем же путанным и бессознательным ощущениям, Степан Егорович начал медленно подниматься по лесенке, придерживаясь руками за ступени, — на этой лесенке еще не было перила, но Катков этого не заметил, а если бы и заметил, искать другую ему просто не пришлось бы в затуманенные мысли.

Был день отдыха, вернее — вечер этого дня. Завод молчал, и странно было слышать доносившиеся сверху звуки веселья, хохот, музыку. Добравшись до первой площадки, Степан Егорович передохнул и осмотрелся, стараясь привести в порядок разбросанные в голове мысли. Но только сейчас он заметил, что под рукой у него нет перил. Не успел он взвзрогнуться от нахлынувшего на него чувства страха и пустоты под ногами, как его охватил новый ужас. Прямо над головой, из едва освещенного окна второго этажа, какой-то человек делал ему предостерегающие знаки рукой. Если Степан Егорович не свалился вниз, то лишь потому, что он узнал Бориса. Хотя и не пришедший полностью в себя, но слегка успокоенный этим открытием, Катков поднялся еще на несколько ступеней и потом спросил у Бориса:

— Что вы хотите здесь с нами сделать? Что вы задумали молодой человек? — голос его дрожал и срывался.

Но Борис посмотрел на него усталыми глазами, почему-то ударил его по животу и неестественно рассмеялся:

— Чудной вы старичок! Разве я могу им что-нибудь сделать? Я просто иду на вокзал пить пиво... А сюда я, как топятелек, залетел на огоньки... попрощайтесь с вами. О, топятелек!

Он притянул к себе голову Каткова и нежно поцеловал его в лысины. Тогда Степан Егорович заметил, что от Бориса пахнет вином. Он хотел сказать ему что-то, но Борис уже пошел вглубь полутемного цеха.

Рис. Н. Кольвиц.

«Праздник любви».

В эту минуту Степану Егоровичу снова послышался голос Лени, и он, забыв все, снова начал карабкаться на крышу. Когда его глазами открылась яркая площадка, залитая веселым, наполненная молодостью в спортивных костюмах, взрослых в белых рубашках, сияя им перед страдой и в беднях, Степан Егорович почувствовал, как все палки с мыслями в его голове разбрасывает чья-то немилосердная рука...

Он видел Лену и Павла, и Анку, и Бруску, к нему подходили веселые люди, спрашивая, почему он пришел так поздно после открытия и постановки, приглашали есть мороженое и осмотреть беседки «Высомола». Ему казалось, что он сходит с ума.

Веселье подходило к концу. Над скамьей, на которую опустился Степан Егорович, шестелет какой-то странный шесток с огромными листьями. — Катков не узнал фикуса; крыша медленно пустела, и над головами людей вдруг раздался взрыв...

Последним, что донеслось до слуха Степана Егоровича, была страшная и непонятная фраза, которую наивно выкрикнул Павел:

— У меня антенна не заземлена Беним, Анка! Потом погасли все огоньки, что-то выключил электричество или это сделали какие-то другие силы... И Степан Егорович, похолодев, закрыл глаза...

... Когда пронеслась разрадившаяся грозой весенняя тревога, на темном «Высомоле» пришел в себя забывшийся и забытый на крайней скамье под фикусом Степан Егорович. Он осмотрелся, встал, прошел по мокрой крыше, понял, что был грозовой и кипучий ливень и набрал в грудь свежий и легкий воздух «Высомола». Потом он подошел к лесенке, перешел к другой, но под каждой из них видел зияющую пустоту провалов...

За домами на вокзале светилось несколько фонарей и пытел одинокий паровоз... Дышалось легко...

Слезать по уходящей в тьму и глубь лесенке Степан Егорович не решился. Он поднял воротник пиджака, лег на матрац в спорбездесе, посмотрел на выплывавший ночничок луны, припомнил все и сказал, закрывая глаза:

— Почему они не сделали на всех лестницах перила и хотя бы одну внутреннюю лестницу для... для стариков?

КОНЕЦ

В ХАМОВНИЧЕСКОЙ „ДАВИЛКЕ“

Л. ЛЕБЕДЕВ

ОЦЕРК «В Хамовнической давилке» представляет собой отрывок из повести Л. Лебедева «Давилка», опубликованной в издательстве «Молодая Гвардия». Повесть рисует малоизвестную историю знаменитой женщины — «давилки», устремленной парижкой оппозиционки в 1905 г. в одном из саев Хамовнической пожарной части. На этот несчастье было повешено свыше 500 чел., в числе которых были ряд видных террористов, революционеров, дружинников, участников вооруженного Мокосковского восстания 1905 г.

Описываемый здесь 19-летний революционер Михаил Брюно — участник восстания на «Бродях» в 1905 г. За террористические акты он был приговорен к смертной казни через повешение. От помилования Брюно отказались. Но его родители выхлопотали перед царем замену смертной казни Брюно 20-летней каторгой. Однако, несмотря на царское «обещание», московский губернатор отдал приказ о приведении смертного приговора над Брюно и Бялановым (его соприсосудимом) к исполнению.

Брюно и Бяланов привели на казнь в «Хамовнической давилке». Картина казни, восстановленная по уцелевшим документам, судебным материалам и показаниям очевидцев, ярко рисует зверскую расправу самодержавия с революционерами. Труднейшей задачей, так мало знакомой о прощлой революционной борьбе, не обязательно будет прочесть яркие и живые подробности из истории царской «давилки».

ПОСЛЕ томительной процедуры оглашения приговора в кабинете приставов Хамовнической части и осужденным подошел священник, предложивший исповедаться. От почему? Это особенно резко спаралитично отступить грешки, имеющие отношение и политической работе осужденных. Но и Бяланов и Брюно молча отшатнулись от духовника.

— Исповиаетесь, не будете упрямы. Умрите с чистой душой... — слышим голосом стал угрозивать осужденных священник.

Бяланов не выдержал и громко крикнул: — Не надо! Отойдите! Христос носил крест на спине, а мы предпочитаем носить его на брюхе. Не будете же лицемерами...

Священник замолчал, осенял их крестом и отошел в сторону.

Осужденных повели в покаянный сарай и месту казни.

Во дворе уяснилось движение, когда увидели группу людей, выходящих из кабинета пристава. Сразу сдержанный, осторожный шум наполнил двор, и опять замаячили огни.

Церковь шла прокурор, пристав и неизвестный в синих очках и в котелке. За ними — ослепотевшие надиратели, окруженные своими явками, как густой цепью, приговоренных.

Все устремили свои взгляды на эти две фигуры. Оба — Бяланов и Брюно — были в темных пальто, оба шли прямо, спланированно. Они твердо вошли в покаянный сарай, и их взгляд, глубокий и загадочный, мгновение прикован к колыду в потопке и ошпарен на табуретках и столах. Осужденных остановили в двух шагах от висящих. Помоничная палачей в местах готова на мертвую иезу до висельни. Переня была сухая и плохо скользила в петле. Палачи вымывали ее с ерым мылом и поливали теплой водой. В самом темном углу, у дров, распавшейся кучей высились саны для трупов, сделанные из простых мешков...

Последним в сарай вошли ирландцы с быстро бегущими глазами священник, несущий похоронный

крест и евангелие, и рядом с ним стип в синих очках. Это и был старший палач московской охранки — главный «давилщик».

— Отдыхать неогла, батюшка. Вот опыт у нас с вами работенка. Благословите.

И палач подошел священнику под благословение. Священник благословил палача. Палач поцеловал руку священника, и затем они оба вошли в сарай. Священник с крестом и евангелием в руках и палач стояли в дверях плече-о-плече и вошли в сарай, то-чичо обнявшись, как братья.

Перед собой казнью мертвенно-бледный, но с улыбкой на осунувшемся лице Михаил обратился к своему товарищу Бяланову:

— Ну, друг, дай прострелен. Мы умрем без страха и ужасения...

Поклоновываясь с товарищем, он спланированно шагнул на ступи, а затем на табуретку.

— Палачи, я готов. Приступайте и своей гнусной работе!

И опыт смелой и мзучкой тенью поплыла и смертнику фигура духовника с крестом в простертой руке.

мателся по воздуху, ошпаривая круги и вдавливая в кону-улышки. Ноги ирландистки искали опору и не находили ее. А вбешенный палач в ирландском гетле затравил веревку и чужие петлю, и до хриплой горсти вырвались новые ругательства.

Наонец, в последний раз выгнулось тело удавленного и замерло. В мертвой тишине что-то хрипело, когда поплыли черные иезу, и тело стало еще более длинным и неподвижным.

И чичо спланированно стоящий в сарае с иезу в руках, спланированно смотрел на мзучную стрелку, неподвижную лишь тем, что она будто движется славном медлительно. Он сарался на время, протраченное ирландце-ленно, и обещенно вползкому, когда прорыли установленные закладки хрипело, когда поплыли врет и трону, поплыли сараченую, уже синеватую зур напавшего и, не находя биения пульса, сядула... — Готово.

Палач перевернул ином веревку. Труп тлнлого прохладил на землю. Развешенным, сумасшедшим взглядом мзучил Бяланов в прах того, кто несколько минут назад жил, разговаривал, кто был его другом до последних минут, до последнего выдоха...

Взоре образовалась и ирландия Бяланова. Слова ирландистки, когда прорыли проконули веревку усаея скрубу в потопке, а свободный конец ее привинтили к столбу и в один голос крикнули!

— Есть!

— Есть! — повторил главный палач-давилщик, обращаясь к приставу.

Но Бяланов сам, оперевшись палачей, быстро вскопал на импровизированный шифор и, пренебрегая палачи усаея ошпариться, плеч молодого революционера уже была в петле висельни.

— Проще, прощайте, купчики! Проще! Бяланов оттолкнул ногой табуретку, ирландия с грохотом полетела на землю, и второе тело, завалившись в предместерные суворгах, повисло на веревке.

Через 15 минут Бяланов стал трупом.

С обоях трупов сбави нацвали и мылом потащили на вынесенных и выдоху. Они смотрели стезиальным взглядом на черных людей, на черную землю, черный сарай. И люди, стоявшие около них, отступались от трупов. Дави священник широким местом крестил покойников и заушнично бормотал молитву.

А палачи, поблескивая синими дисками ошнов, уже рзыли на земле кусочии веревки повешенных, предлагали их приставу: — Поучайте да сметь, в петлах и в явках повезет... Ха-ха-ха. Берите, берите... На всех хватит...

Быстро развалилась огрени веревки. На «счастье» брали мнотие. Вали и притаяв, прокурор, конфуливал вал отрезки и висельни.

Палачам и их помощникам подали кружени с вином.

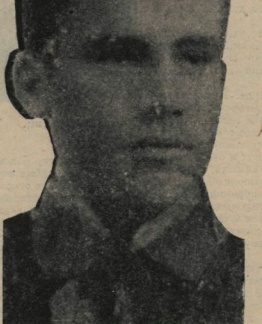
На запяну, значит, за уноной их ирландской души,— прохрипел давильщик и длинно, планомерно выругался.

Вино пили аланом, обитаясь, словно ирландским, еще переводил дышание.

Через несколько дней мать Михаила получила от полиции кусок веревки, на которой повесили ее сын, а из тюрьмы последнее письмо Михаила. И в этом письме, в торопливых, еще разбрызганных строках Михаил писал матери о своей горючей любви и неей, писал о той твердости, которую дала ему тюрьма...

— Имя умяю вполне спланированно и не трупу. Ведь много важно было отогнать и приваивана к неей, и смерти, сделала меня спланированно.

Мое последнее ирландие: пережить мое спланированно палачам молодому повешению. Пусть ирланд мое прорыется на голову палачей...

Мих. Брюно

— Поканей, раб, смрнись. Спаси своку душу от мук ада... — проронгав священник.

Глаза Михаила затрепетали молодым рабом.

— Уйди, халдей,— отвиста он.— Я не раб и умру без креста. Раб ты — помощник палача, слуга ирландистки.

Но торжественно стал крестить Михаила и, сменивю закатив глаза кверху, забормотал неспешно слова молитвы.

— Наделяйте мешок,— приказал пристав, убедившись, что священнику вычего не удется выпалти от смертника. Но Брюно быстро сорвал нацнутый на его голову триный полотный мешок и бросил его в угол.

Палачи было пробовали ирландию вынудить снова мешок, но по знанию ирландистки, Михаил вынул монрра скрюченная петля, Михаил спланированным голосом крикнул:

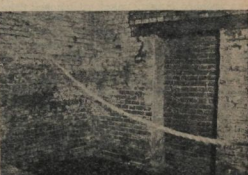
— Окончите еку но дылю. Палачи в синих очках выйди ирланд ног осужденного смямнику, с дыкой уземской гарнизу:

— Неб! в воздух. Вот тебе народная свобода. Поучай!

Мгновению стало тихо. Затрепетало тонкое, хрупкое тело юноши, судорожно зашаркалось,

Арестный дом, переданный из пожарной сарай. Здесь находились в заключении участники восстания 1905 г.

Замурованная дверь «давилки», через которую водили на висельницу.

СТИХИ НАЧИНАЮЩИХ

В КЛУБЕ рабочей молодежи Пролетарского района уже несколько месяцев работает литкружок, состоящий в подавляющем большинстве из рабочей молодежи. Рано еще говорить, что может выйти из этих двадцати парней и трех девушек, которые каждую субботу прямо собираются в библиотеке, но та жадность, с которой они впитывают в себя все, что может хоть сколько-нибудь обогатить их маленький литературный опыт, та спайка, которая существует в кружке, и, наконец, то постоянство, которое является залогом всякого успеха, позволяют думать, что из этого кружка растет надежное пополнение кадрам пролетарских писателей. Очень интересно отметить, что в кружке почти отсутствуют элементы наплевизма и эшпаками закидаем, отсутствуют столь свойственное литкружкам завистничество, когда кто-либо начинает выделываться, и если есть некоторая борьба поэтических «самовлюбий», то она вполне умеряется комсомольской ответственностью. Почти все ребята до того как пришли в кружок активно работали в стенгазете, многие из них являются юнкорами центральных газет.

Этой странницей кружок начинает переключку с другими комсомольскими литкружками. Конечно, и темы и художественная форма печатаемых стихотворений очень юны и не свободны от большого и невольного подражания, но в них есть та непосредственность восприятия и быстрота реагирования, которые являются основой всякого творчества. Определенное количество строк, отпущенных для этой заметки, не позволяют подробно остановиться на достоинствах и недостатках этих стихов. Думаю, что ребята из других кружков, делясь

Первый комсомольский литературный кружок в Москве.

своим опытом в ближайшем номере «Смены», выскажут о них свое мнение.

Марк Колосов

ПЕСНЬ О БРАТЕ

После боя на привале
 Был убит и брат и конь.
 Умер брат,
 А мне оставил
 С громкой песнею гармонию.

Я беру гармонию, играю,
 Песня сердцем не забыта,
 Как братишку за сараем
 Раострепал отряд бандитов.
 Кучерявый и веселый,
 На коне летал галопом,
 Бельих бил в степях и в селах
 И под диким Перекопом.
 Шекотало ветром знамя,
 Вопр шел в походы конь.
 В тесной сумке за плечами
 Брат всегда возил гармонию.
 Бабы в селах, девки в селах,
 Девки сладкие, как сливы,
 За один кивок веселый
 Горячей бойцов любви.

У деревни, на привале,
 Разведет отряд огонь,
 Брат из сумки вынимает
 Построзвучную гармонию.

Только как-то на поляну,
 Где бойцы лежали в ряд,
 Как гроза, стремглав нагрянул
 Из степных князей отряд.

А земля была сырая,
 Ветер дул со всех концов,
 Закопали за сараем
 В яму тесную бойцов.

Не был я в боях открыток
 Только знаю,
 Крепко знаю,—
 Эти песни не забыты,
 Эти песни мы играем.

Василий Сидоров

СТАРЫЙ ПАРОВОЗ

От станции невдалеке,
 Где путь травой зарыл,
 На ржавых рельсах в тулупе
 Стоит в раздумьи паровоз.

Я подошел к нему поближе
 И шопотом спросил:
 Давно ли стал таким ты рыжим,
 Давно ли стал без сил?

Я знаю, что тебя тревожат
 Соседки свист и стук колес,
 И что вот ты сейчас не можешь
 Вести состав, как раньше воем.

Мой старый друг,
 Не вешай нос,
 Повремени, и снова
 Веселый гром твоих колес
 Начнет греметь по рельсам новым.

К. Овчинников

АВТОБУС

Колочий ветер—спутник твой,
 В дорожной суете,
 Тебе привычно мостовой,
 Шатаются, лететь
 Долбил стремительных друзей
 И мчишься не один
 Мимо широких площадей
 Заманчивых витрин,
 Горит огнями магазин...
 Мотор—на полный ход!
 И, кажется, совсем не был
 В стране двадцатый год.
 Но каждый память сохранил,
 Как стлы города...
 Не знаешь ты болную боль—

Шершавые года.
 В работе удал и в борьбе
 Плещкалась через край.
 Об этом передает тебе
 Испранный трамвай.
 На реаком северном ветру
 Маният к себе огни,
 Не нудный гость, а новый друг.
 Ты этим дням сродни.
 У притаившихся застав
 Знаком заводов дым...
 Вежишь, трамвай постречая,
 По улицам кривым.

А. Михайлова

Мы просим всех подписчиков, всех друзей нашего журнала озаботиться возобновлением подписки на 1930 год заблаговременно и, во всяком случае, не позднее 15 денабря.

Это даст нам возможность правильно и точно установить тиражи первых номеров журнала и тем самым избавит наше изд-во и подписчиков от напрасных недоразумений.

Сектор периодических и подписных изданий издательства «Молодая Гвардия» (Москва, Центр, Новая площадь, 6).

СООБЩЕНИЕ

Управление строительства Днепростроя с большим удовлетворением констатирует переход и выполнению работ по возведению основных сооружений строительства.

Начинается новый период по пути создания одного из величайших мировых технических сооружений. Этот путь будет не менее труден уже пройденного нами пути; воля, энергия и энтузиазм работников Днепростроя ни на минуту и ни в малейшей степени не должны быть ослаблены.

Управление строительства не может не отметить сравнительно успешное начало этих работ, и этот успех является залогом, что мы должны и можем выполнить полностью и целиком все программные задания этого года.

Мощь нашего оборудования, однако, еще не полностью использована — затраченные средства, следовательно, не дают еще тех результатов, на которые они рассчитаны. Требуется еще большая четкость в работе, большая согласованность в действиях отдельных звеньев нашего, небывало большого механизированного строительства.

Мы в настоящей стадии работ имеем безошибочный показатель благополучия на всех работах — показатель этот — фактическое количество уложенного бетона.

Две цифры — одна по работам в левом котловане, другая в правом — почти вполне характеризуют все работы на основных сооружениях.

Улучшать этот показатель, т. е. дать возможно большую суточную производительность — долг и обязанность всех работников Днепростроя; начиная от главного инженера и кончая работником самой малой и незначительной должности.

Вся общественность Днепростроя должна каждый день знать эти показатели; улучшение их должно вселять в нас новые силы и бодрость, ухудшение их должно всех нас заставлять немедленно напрячь все наши силы для удержания темпа.

В целях осведомления всех и каждого о ходе работ в ежедневном опубликовании результатов работ вводятся нижеследующие устройства:

- 1) на обоих берегах на видных и наиболее оживленных местах будут выставлены диаграммы суточной производительности;
- 2) на вантовых дерриках обоих берегов установлена световая сигнализация, состоящая из: 4 красных и 2 зеленых фонарей на ЛЕВОМ БЕРЕГУ и 2 красных и 2 зеленых фонарей на ПРАВОМ БЕРЕГУ.

Фонари расположены по вертикали.

Каждый красный фонарь обозначает 300 кубических метров уложенного бетона и каждый зеленый — 100 кубических метров.

Таим образом комбинация этих двух цветов позволит сигнализировать по левому берегу все количества от 100 до 1400 куб. метров, а на правом от 100 до 800 куб. метров.

Например, при уложенных 1140 куб. метров на левом берегу будут гореть 3 красных фонаря и 2 зеленых, при 1226 — 4 красных и т. д.

Кроме того, на вершинах дерриховых мачт установлены красные звезды, горение этой звезды на левом берегу обозначает суточную производительность в 1500 куб. метров, на правом берегу красная звезда загорится при производстве больше 750 куб. метров в сутки.

Техническая возможность достичь этих цифр имеется; дело наших рук, нашего умения, нашего старания эти технические возможности использовать.

ТОВАРИЩИ СТРОИТЕЛИ ДНЕПРОСТРОЯ! Зажигайте победные огни над великими трудями десятков тысяч пролетариев Советской страны.

Пусть эти победные огни горят неугасно, пока не возьмет наша вера над неукротимыми в венах силами Днепра. Пусть светят они путеводными огнями нашим товарищам — строителям по всему ВЕЛИКОМУ СОЮЗУ Социалистических Республик, возмандиши так же как и мы новую страну Советов.

Главный инженер Днепростроя ВИНТЕР

7/IX 1929 г.

п. Ничкас